

Лия Форан

МЕРИДАН АЩАР
из МИРА
СНОВИДЕНІЙ

Лия Форан

**Меридан Ашар из
Мира Сновидений**

«Автор»

2026

Форан Л.

Меридан Ашар из Мира Сновидений / Л. Форан — «Автор»,
2026

Её бессонница прекратилась в ту ночь, когда в снах появился Он. С его приходом в реальность, закончился и покой. Алина, обычная девушка, пытается пережить разрыв с парнем. Её спасают только работа и удивительно яркие сны о таинственном незнакомце. Но однажды вечером он приходит на вечеринку её друзей. Реальный. Его зовут Ансар, и он объявляет, что Алина — реинкарнация Королевы исчезнувшей цивилизации, чья пробуждающаяся сила — словно маяк для ужасных существ, ришанов. Угроза становится осязаемой, Алина неожиданно пробуждает магические таланты у всей своей компании. Теперь они — команда, вместе противостоящая кошмарам. Но чтобы победить, им придётся отправиться в самое сердце опасности, в Мир Сновидений. А проводником будет Ансар — тот, кого она когда-то предала и к кому теперь её влечёт с силой, равной страху. Между долгом, дружбой и первыми в жизни чувствами, которые обжигают изнутри, Алине предстоит решить: кем она станет — жертвой судьбы или творцом своего будущего?

© Форан Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	33
Глава 6	41
Глава 7	46
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Лия Форан

Меридан Ашар из Мира Сновидений

Глава 1

Я вижу его во сне. Он приходит сквозь ночную тьму — на шаг впереди, будто уже знает дорогу. Лицо ускользает: память не держит линий и черт, лишь самое важное — спокойствие и странную, почти осязаемую уверенность, что я не одна.

Светловолосый незнакомец стал моим маяком и тихой гаванью после болезненного разрыва — проводником в снах, которые оказались не снами, а иными мирами. Каждую ночь мы путешествовали туда, где законы подчинялись лишь ему, и он был единственной понятной и верной точкой в том хаосе.

Как же зовут тебя? Ты стал моим наваждением. Всё чаще я ловлю себя на мысли: увидеть тебя в реальности, среди живых людей. Хоть на миг — заглянуть в твои глаза, чистые, как горный ручей. И, наверное, застыла бы на месте, боясь пошевелиться, чтобы видение не рассыпалось от дуновения.

В последний раз в памяти осталось, как его светлые волосы мелькнули в лунном свете, будто серебряная нить, исчезающая в темноте. И смутное впечатление, будто он что-то сказал, но слова растворились, не долетев.

Резкий стук костяшек пальцев по столу вернул меня в реальность.

— Алина! Ау, ты чего зависла?

Я моргнула, но мысль всё равно ускользнула куда-то в сторону: интересно, увижу ли я тебя сегодня во сне?

— Мы так не успеем к дедлайну, дорогая, если витать в небесах будешь.

Кипа бумаг рухнула на мой стол, возвращая меня в реальность. Я подняла глаза.

Передо мной стояла Света — рыжая, невысокая, с глазами такого ядовито-зелёного цвета, что, кажется, они могли заряжать батарейки. Вся её бешеная энергетика буквально давила на воздух вокруг. И судя по её планам и ухмылке на лице, мне сегодня будет не до сна.

— Прости, Светик... я никак собраться не могу. Исправлюсь! — я улыбнулась и попыталась вспомнить, на чём остановилась.

Света прищурилась, слишком проницательно:

— Всё о Максе думаешь?

— А? Нет... — я невольно споткнулась на словах. — Мы расстались с ним давно. С чего бы мне думать-то...

— Ну и хорошо, — пожала плечами Света. — Он с Наташкой, кажется, мутить стал. Вместе уходят, вместе приходят. Я видела — за руки держались в кофейне.

— Свет, не знала, что ты сплетница, — фыркнула я.

И это была правда: новость про бывшего уже не так била по нервам. Я «отстроила стену», которая оберегала моё сердце и покой. Неожиданно почувствовала даже что-то вроде облегчения. Была рада за Макса. Правда, вместе с этой радостью где-то внутри всё равно сжалось — не от ревности, нет. Скорее от того, что у кого-то жизнь движется вперёд, а я застряла между сном и явью, думая о парне, которого, возможно, вообще не существует.

Света развела руками, будто оправдываясь:

— Что я виновата, если они сами так косячат и попадаютс мне на пути? — она ехидно улыбнулась и наклонилась ко мне ближе, как будто собиралась сообщить государственную тайну. — Раз ты одинока, как пень в поле, тогда я похищаю тебя после работы.

— Пень в поле? — мои брови поползли вверх. — Это ты меня так себе представляешь?

Я знала, что за этой напускной драматичностью скрывается та самая Светка, которая ночевала у меня неделю после расставания с Максом, закармливая мороженым и включала дурацкие комедии.

— Ну да, — совершенно серьёзно кивнула Света. — На работе сидишь, домой приходишь — сидишь. Ты как с Максом разбежалась, какая-то нелюдимая стала. Я беспокоюсь о тебе.

Она состроила такую страдальческую физиономию, что я невольно подумала: а вдруг и правда всё скатывается в серые, одинаковые дни. И если ничего не менять, останусь этим самым “пеньком”.

Мечтаю о несуществующем парне. Хочу его встретить — и ничего для этого не делаю. Вот так, к двадцати трём годам, я решила, что само собой всё нормализуется?

И именно в этот момент из-за угла вышел Макс — рядом с Наташей. Они щебетали, как две птички: легко, привычно, без напряжения. Я поймала себя на том, что улыбаюсь: правда рада, что у него всё налаживается.

Наши взгляды с Максом сцепились на пару секунд. Не больно — скорее странно. Будто он тоже увидел во мне движение: я больше не хочу сидеть и скучать.

— Хорошо, — сказала я, скорее себе, чем Свете. — Пора выйти из забвения. Да.

— Вот другое дело! — просияла рыжюлька.

Я выдохнула и потянулась к клавиатуре.

— Всё. Мне надо работать, а то начальница сделает выговор.

Я пристально посмотрела на Свету. Та демонстративно цокнула и, покачивая бёдрами, ушла в свой директорский кабинет — да, у нас всё было именно так: Света умудрялась быть и моей лучшей подругой, и Светланой Игоревной, и вечным двигателем внутреннего хаоса.

Из кабинета она ещё раз пробуравила меня зелёными глазами, явно напоминая: сегодня вечеринка. Она и сама едва сидела на своём чёрном кожаном кресле — дай команду этой зажигалке, и сорвётся во все тяжкие. Наверное, поэтому она так упорно тянет меня с собой: чтобы я за ней присматривала. Или чтобы она — за мной.

Рабочий день пролетел быстро. Так бывает, когда дел много, а времени — мало. Но ровно в 18:00 я, как подающий надежды офисный работник, сдала все проекты вовремя.

— Через два часа будь готова. Я пришлю тебе адрес...

— Ты так говоришь, как будто сама его не знаешь, — усмехнулась я.

— Представь себе, не знаю. Это закрытая вечеринка. Секретная, загадочная... — Светик закусила губу и начала плавно покачивать бёдрами, словно под музыку, которую слышала только она.

— Светлана Игоревна, на что вы меня подписываете?

Глаза у меня округлились, когда её намёк стал слишком явным. Надо бы дать заднюю — а то на заднюю быстро найдутся приключения.

— Тебе что, пять лет? — фыркнула она. — Познакомишься, может, с кем. Тем более такой шанс выпадает редко. Точнее — никогда. Я год ждала этого события.

По тому, как у неё зажглись глаза, было видно: Свету буквально трясёт от предвкушения. Ещё немного — и, кажется, от неё пар подёт, если бы я не согласилась.

Светик вызвала такси и почти силой усадила меня внутрь, тут же выдав водителю чёткие указания, как можно быстрее доставить меня домой.

— Ты должна блистать! Другого не дано! Иначе уволю! — бросила она напоследок и захлопнула дверь, не дав мне даже возразить.

Ох, как же она любит иногда применять свою власть вне рабочих стен. Но я давно смирилась с её манерой разговаривать, будто весь мир — её проект, а люди в нём просто дедлайны.

Рыжая и в школе была главнокомандующей. Староста класса — Светик. Главная роль в постановке — Светик. Олимпиады, конкурсы, сборы — снова Светик. И так далее по списку.

Ещё бы. С её отцом не забалуешь.

Света всегда стремилась — и до сих пор стремится — быть дочерью, которой гордятся. И иногда мне казалось, что она так разгоняет жизнь вокруг не потому, что ей весело, а потому что иначе не умеет.

Зайдя домой, первым делом я дала команду умной колонке включить что-нибудь весёлое. Нужно создать правильное настроение перед этой «секретной вечеринкой» — раз уж меня туда тащат, я хотя бы приду не с лицом человека, которого ведут на казнь.

Душ, макияж, причёска — и вот я уже ничего такая. Осталось подобрать наряд.

Открыв шкаф, я вдруг осознала: мой гардероб больше похож на похоронное бюро. Стильный чёрный, сдержанный серый, безупречно белый — всё вроде бы красиво, но не то. Рядом со Светиком я буду выглядеть как чёрная дыра. Дыра грусти и печали.

Покопавшись на верхней полке среди коробок, я нашла ту самую — с подарком от Макса. Он всегда говорил, что любит женщин ярких и весёлых. Наверное, поэтому и пытался сделать меня такой хотя бы через подарки.

Я аккуратно приподняла бретели красного коктейльного платья и выдохнула. Волной накрыли мысли о прошлом. На секунду стало тесно в груди — как всегда, когда что-то напугивает о нас. Но я не сдамся ностальгии по ушедшим отношениям.

Сейчас это просто красивое платье. И оно отлично подойдёт для предстоящей тусовки.

Я натянула его, чуть покрутилась перед зеркалом — и невольно улыбнулась. Оно действительно мне шло: подчёркивало грудь, талию, открывало длинные стройные ноги.

— Ох, девочка... Сегодня тебя точно ждут приключения, — сказала я своему отражению, поставив руки на бока.

И тут же, как по расписанию, в голове всплыли спасательные варианты: «заболеть», «улететь», «застрять в лифте», «умереть». Но ни одна из этих отговорок не подействует на Свету. Она и смерть, кажется, уговорит перенести встречу на девять вечера и прийти при полном параде.

Телефон резко пиликнул уведомлением. Адрес. Дороги назад нет.

Я нашла туфли, клатч — и вперёд.

Сердце колотилось бешено. То ли это эффект предстоящей вечеринки, то ли я просто слишком давно никуда не выбиралась и уже разучилась не волноваться.

Когда я вышла из такси, Света встретила меня так, будто я — её личная победа.

— Вау! Вы только на неё посмотрите! — с восторгом объявила она, осматривая меня с ног до головы.

Потом протянула мне золотой билет и чёрную декорированную маску.

— Маска... для чего?

— Женщина в маске — загадка. А мужчины любят загадки, — рыжюлька растянула красные губы в хитрой улыбке.

— Коварная ты женщина, Светик.

Я надела маску, поправила платье — и мы двинулись ко входу.

Первый удар басов буквально врезался в грудь и заполнил голову, выбивая из неё остатки страхов и колебаний. Внутри было темно, ярко и шумно одновременно: дым стелился по залу, световые лучи резали пространство, люди прибывали — всё больше, ближе, громче.

— Пошли за мной! — Света схватила меня за руку и потянула к кабинке с красивым фиолетовым балдахином.

— Отдельная ложа для нас?

— Золотой билет, детка! — она подмигнула и пафосно покрутила перед моим носом золотым флаером, который, судя по всему, давал уйму привилегий.

Через минут десять в шатёр вошёл молодой человек: поставил на стол ведёрко со льдом, бутылку игристого и два тонких бокала. Следом появился ещё один — бесшумно, как тень,

— разложил закуски и водрузил в центр тарелку с клубникой в шоколаде, слишком красивой, чтобы быть настоящей.

— Вот это сервис, — Света не переставала улыбаться и смело разглядывала официантов. Парни были подтянутые, идеально собранные и обходительные — будто часть программы, а не просто персонал.

Я огляделась внутри нашего уютного, сокровенного мирка. Бархатная отделка дивана, богато украшенные подушки, на низком столике — настоящие свечи, не бутафория. Их огоньки дрожали, отбрасывая тёплые тени на ткань балдахина, и шатёр казался отдельной реальностью — маленькой магической комнатой посреди шумного зала.

А зал... зал жил своей жизнью — слишком красивой и слишком продуманной, чтобы быть обычной вечеринкой.

Под самым куполом, там, где в обычном клубе были бы только световые фермы, летали акробаты на полотнах. Не просто «висели для красоты» — они двигались вдоль всего пространства, перетекая из одной точки в другую, будто скользили по воздуху. Иногда кто-то из них пролетал совсем низко над толпой — и тогда люди поднимали руки, кто-то визжал от восторга, кто-то снимал на телефон.

И вдруг один из акробатов завис прямо над барной зоной, вытянул руку — и внизу ему подали бокал. Гимнаст поймал его так легко, словно это был не хрупкий стеклянный фужер, а перо. Потом пролетел дальше и, наклонившись, передал бокал девушке в маске. Толпа взорвалась — от удивления, от восторга, от ощущения, что ты не просто зритель, а часть спектакля.

По залу шли танцоры — целыми мини-шестьями, в грандиозных костюмах: перья, зеркальные элементы, маски, накидки, которые вспыхивали от света, как крылья. Они не просто танцевали — вовлекали. Гости становились частью их перформанса.

Теперь я понимала, почему Света так ждала эту ночь. Это было не «сходить потанцевать». Это было событие. Из тех, про которые потом говорят: «ты была там?»

Света подняла бокал:

— За потрясающую ночь, подруга!

Она сделала резкий выпад бокалом в воздухе — привычный её жест — и наши фужеры звонко встретились.

— Да уйдёт печаль и стинет грусть, — сказала я и сама не заметила, как настрой сменился. Внутри появилось то самое приятное ожидание, будто впереди и правда может случиться что-то важное.

Мы только сделали по глотку, как у входа в шатёр раздвинулась ткань — и внутрь вошёл артист.

По крайней мере, так мне показалось. На нём была тёмно-синяя мантия, расшитая золотыми звёздами, которые мерцали в свете свечей, будто живые. Лица я толком не разглядела: то ли тень от капюшона, то ли часть образа.

Он не сказал ни слова. Просто улыбнулся — и легко, играючи, на одних жестах предложил мне вытянуть карту.

В его руках появилась колода — плотная, золотая, как будто бархатная. Он веером разложил карты передо мной.

Я замерла, глупо чувствуя себя героиней какого-то фильма, где сейчас обязательно начнётся «что-то не то».

Света рядом сияла: начало шоу и вечера полностью совпадало с её ожиданиями.

Я вытянула карту.

Подруга заёрзала на диване:

— Ну что? Что там? — горела она от ожидания.

Я опустила взгляд на гладкий чёрный картон. Золотые, переливающиеся буквы будто шевелились в свете свечей.

— «Сегодня ты встретишься с Судьбой», — произнесла я вслух.

И ниже — провокационный вопрос, как вызов:

«Ты готова?»

У меня на секунду перехватило дыхание. Я хотела усмехнуться — мол, ну да, конечно, судьба, — но почему-то не получилось. Не в этой обстановке. Не когда над головой летают люди с бокалами, а в шатёр без слов заходят «звёздные» жрецы и раздают предсказания.

— Я вся в предвкушении твоей новой жизни! — выдохнула Света, и в её голосе было столько азартной уверенности, будто она правда решила поставить на мне эксперимент. Наверное, устала видеть меня одинокой. Или просто была уверена: сегодня я обязана вытащить счастливый билет.

Артист наклонил голову, будто ожидая ответа.

Я машинально кивнула — скорее себе, чем ему. И несколько секунд смотрела на карту, пока Света не выдернула меня обратно в реальность своим смехом и музыкой снаружи.

Два бокала — и мы уже на танцполе.

Музыка лилась по венам приятным потоком. Диджей явно знал, как завести публику и подчинить её ритмам: то отпускал, то снова закручивал.

Десять треков спустя мне жутко захотелось пить. Барная стойка была ближе, чем наш шатёр, и я решила не пробиваться обратно через толпу.

— Умираю, пить хочу. Я скоро вернусь.

— Хорошо! Мне тоже возьми «Голубую лагуну»! — крикнула Света мне вслед.

Я протискивалась мимо людей, стараясь никого не задеть, но клуб был набит битком. Горячий воздух, духи, дым — всё смешалось.

Чтобы хоть как-то остыть, я сняла маску. Кожу сразу обдало прохладой.

И в ту же секунду чья-то рука перехватила меня за талию и притянула ближе — уверенно, без вопроса, будто имели право.

— Вот это встреча, — прозвучало рядом.

Этот голос я узнаю из тысячи.

— Макс?..

— Привет, красотка! — он с интересом оглядел меня с ног до головы.

Чёрт. Он был слишком хорош в своей жемчужной маске и ярко-красном костюме — вызывающе, нарочито эффектно. От него тянуло дорогим ароматом, и шампанское вдруг напомнило о себе: тепло ударило в голову не в тему и не вовремя.

— Ты как тут? — спросила я, пытаюсь звучать ровно.

— У Никиты денюха. Нас с парнями позвал. — Макс наклонился к моему уху, и его дыхание обожгло кожу. Я понимала: это не интимность, это клуб — здесь иначе просто не услышать. — Он в VIP-ке... — уточнение прозвучало прицельно, как будто за сказанным прятался тайный смысл.

— Понятно. Хорошо отдохнуть, — я попыталась вырваться из объятий бывшего, но он вцепился, как клещ.

— Ты тут одна?

— Со Светой я, и мне пора, — аккуратно выкручиваюсь из пут Макса, направляюсь к барной стойке.

Но не тут-то было. Его будто магнитом тянет за мной. Или мне так кажется — но он уже рядом, когда я делаю заказ.

— Всегда знал, что это платье создано для тебя! — он облокотился на стойку и вернулся ко мне. Улыбается, гад, своей фирменной улыбкой — оценивает результат своего «непревзойдённого выбора». Подарки у него всегда отлично удавались.

— Знаю, Макс, — отвечаю сухо, изо всех сил стараясь не смотреть на мужчину, который явно не собирается заканчивать разговор.

— У кого-то отличный вкус, — в этом весь Макс. Любит он себя. — Может, присоединишься к нам?

— Наташу позови, — резко поворачиваю голову к нему и замечаю, как у Макса нервно дёргается челюсть.

— Оу! Светик на хвостике новые сплетни принесла? — тянет он, не теряя нахальства. — Интересуешься моей личной жизнью, солнышко?

— Девушка, ваш заказ, — спасает бармен, ставя передо мной два бокала: безалкогольный мохито и «Голубую лагуну» для Светы.

— Твоя личная жизнь — скучная тема для обсуждения. Хорошего вечера, — говорю я и изящно забираю бокалы у бармена, пока Макс не успел придумать ещё один повод задержать меня.

И почти бегом исчезаю из поля зрения бывшего.

Глава 2

Меня, как ошпаренную, несёт прочь. Щёки горят. Вот кого я меньше всего ожидала встретить на этом «празднике жизни», так именно его.

Я не замечаю, как на пути появляется парень — и, как назло, врезаюсь в его грудь, опрокинув «Голубую лагуну» на белую рубашку.

— Чёрт... Простите! — слова вылетают сами, пока я судорожно пытаюсь удержать второй бокал.

Поднимаю взгляд.

Высокий. Очень.

Наши глаза встречаются — и на секунду мне кажется, что я уже видела этот взгляд. Красивый: белые волосы, светлые глаза — точный цвет не разобрать под маской и в переливающимся свете; чёткая линия скул и подбородка; губы — слишком выразительные и чувственные.

Невероятный, чтобы быть реальным. И эти глаза... Меня пронзило дикое, иррациональное чувство дежавю. Будто этот момент уже был — в том самом сне, где все расплывчато, кроме ощущения.

Хорошо, что нас накрыла темнота: я бы иначе точно выронила второй бокал — вместе с собственной челюстью.

— Похоже, вы торопились? — произносит он и чуть наклоняется к моему уху.

Низкий голос — тягучий, будоражащий. Из тех, что цепляют даже против воли.

Вот уж «повезло». Набор из категории мужчин «бери и беги».

Кровь ударяет в голову.

Отлично. Ещё один из разряда «опасно красив».

— Видимо, уже нет, — отвечаю я и осторожнее сжимаю бокал, будто он может пригнуться мне как щит. — Я... я правда не специально, — начинаю тараторить, чувствуя, как паника подбирается к горлу. — Я испортила вашу рубашку. Мне очень жаль.

— Да, — он смотрит на расплывшееся голубое пятно, и в голосе отчётливо слышится улыбка. — Рубашка дорогая, — произнёс он, и по тону я не могла понять, шутит ли он или действительно выставляет счет. В любом случае, его спокойствие действовало на меня как красная тряпка. Я привыкла к мужчинам, которые либо ноют, как Макс, либо пафосничают. А этот... он просто наблюдал.

— Я исправлю. Сейчас. — Я хватаю его за рукав, тут же одёргиваю себя: Алина — это слишком. Но уже поздно. — Там... в уборной можно оттереть. Пожалуйста.

Несколько секунд он просто смотрит на мои пальцы у себя на руке, потом кивает, как будто решил подыграть.

— Ведите, — говорит он.

Удача была на моей стороне: очереди не оказалось. Я быстро завела его в одну из кабинок.

Убранство больше напоминало отдельную VIP-комнату, чем туалет: мягкий бархатный диван алого цвета на золочёных ножках, большое зеркало в дорогой раме с барельефом, широкая белоснежная раковина. В отдельной секции — унитаз, скрытый за массивной дверью.

— Надо снять рубашку... — я обернулась к мужчине.

И в приглушённом свете чуть не выпала в осадок. Таких красивых мужчин я ещё не встречала. Сердце подступило к горлу. Глаза у него всё же светло-серые — как ледники в горах.

— Интересная у вас манера знакомства... — он наклонил голову и прищурился.

— Вы бы видели, как я знакоюсь, когда у меня в руках не бокал. — парирую я.

На секунду повисла пауза — и он сам, спокойно, расстегнул верхние пуговицы. Без суеты, без дешёвого флирта. Просто сделал это так, будто полностью контролировал ситуацию.

Рубашка сошла с плеч — и я снова поймала себя на том, что забыла вдохнуть.

— Пятно надо быстрее свести, — выдавила я, и взгляд невольно упал ниже: на светлые брюки, к которым предательски подступали стекающие капли напитка.

— Можно? — выдавливаю я, показывая на пятно и на его торс.

— Можно, — коротко отвечает он, будто разрешает не мне.

Я хватаю влажные салфетки, пытаюсь промокнуть пятно, но напиток уже расплзся ниже, задевая нижнюю часть гардероба.

— Вот чёрт... — шепчу я, почти в отчаянии.

Он наблюдает за мной с таким выражением, словно его это искренне забавляет.

— Тебе с такой реакцией в скорой помощи работать нужно! Ни одну бы жизнь спасла! — все происходящее его, по сути, веселило.

— Давай начнем с твоей рубашки! А, там уже решим — бурчу я и быстро тянусь к рубашке в руках парня, чтобы не разглядывать его слишком откровенно.

Наши руки соприкасаются — короткое касание, но меня будто током бьёт.

— Ансар, — произносит он спокойно. — Меня зовут Ансар.

— Алина, — отвечаю слишком быстро и разворачиваюсь к раковине.

В зеркале отлично отражались мои отчаянные попытки одолеть ненавистное пятно. Но чем больше я тёрла, тем сильнее оно проступало — будто назло. Мне уже не смешно. Я держалась из последних сил, чтобы не расплакаться от бессилия.

И только сейчас замечаю: за моей спиной уже не первую минуту стоит Ансар. От него буквально веет жаром. Я поднимаю глаза на зеркало — и встречаюсь с его взглядом.

— Оно не хочет отстирываться, — шепчу я, почти со слезами.

— И что будем делать? — светло-серые, ледяные глаза прожигают так, будто ставят клеймо.

Я сглатываю. Сейчас начнёт ругаться... или, что хуже, выставит счёт с нулями.

— Беда, — вдруг произносит он, и в голосе слышится насмешка. — Я так надеялся с кем-то познакомиться, а теперь — без рубашки...

Так вот что его волнует? Я-то думала, он переживает из-за вещи.

— Если так подумать... ты уже познакомился, — вырывается у меня, прежде чем я успеваю прикусить язык.

— Да, — он чуть наклоняет голову. — И эта девушка, даже не узнав моего имени, сразу начала меня раздевать.

Он явно с трудом сдерживает смех. На щеках проступают ямочки — всё отчётливее, предательски обаятельные.

— Раз так... — он наклоняется вперёд и упирается ладонями в край раковины по обе стороны от меня.

Холодный фаянс вжимается в тело. Тепло его тела — рядом. Он не касается меня напрямую, но расстояние исчезает, и от этого становится только хуже.

— Скажи “стоп” — и я отойду, — произносит он тихо, почти лениво. И всё равно от этих слов по коже пробегает дрожь. — Но, если нет... надеюсь, ты умеешь держать себя в руках, и мы приятно проведём вечер.

В его уверенности не было наглости Макса. Это было что-то иное... как будто он знал правила игры, о которой я даже не подозревала.

Его подбородок на секунду касается моего плеча — лёгким, почти невинным движением, как у мартовского кота. Он смотрит в зеркало, но не сводит глаз с моего отражения.

Сердце бьётся так громко, что кажется, его слышно сквозь музыку.

— Выбора, судя по всему, у меня нет? — я выдавливаю самую милую улыбку, на какую способна.

— Не-а, — протягивает он.

Ансар берёт моё запястье и тянет в сторону своего шатра. Его совсем не смущает ни то, что он полураздет, ни то, что вся женская часть тусовки провожает его дикими, любопытными взглядами.

Мне следовало отказаться, вернуться к Свете... Но любопытство оказалось сильнее. Кто он? И что будет, если я сделаю этот шаг?

— погоди! — пытаюсь докричаться я. — Мне надо подругу предупредить!

Но мои слова тонут в бешеном ритме клубной музыки.

Я захожу в шатёр — и меня будто окатывает ещё сильнее. Почему этот вечер с каждой минутой становится всё хуже?

Внутри уже сидят Никита, Макс, Кирилл и Алекс.

— Знакомьтесь: Алина! — весело объявляет Ансар. — Берегитесь, у этой девушки талант лишать парней одежды.

Фраза звучит настолько двусмысленно, что, кажется, я становлюсь одного цвета со своим платьем.

Никита вскакивает с места — рыжий, шумный, переполненный энергией.

— Алинка! Радость моя! — он улыбается так, будто и правда ждал только меня. Мы не виделись... три месяца? Больше? С тех пор, как я рассталась с Максом.

— С днём рождения, Никита, — смущённо произношу я.

Он хватает меня, обнимает и легко прокручивает, как пёрышко.

— Макс, ты видел, кто тут? — именинник радостно обращается к лучшему другу.

— Видел, — отвечает Макс.

Его взгляд прожигает во мне не одну дыру. Он отпивает из бокала — будто пытается притупить гнев, который подступает к горлу.

— Располагайся! — Никита широким жестом показывает на место рядом с Алексом.

— Я ненадолго, — стараюсь сразу обозначить границы.

— Ну уж нет! У меня день рождения, я так просто свою подругу не отпущу! — возмущается Никита.

— Я тоже не отпущу, тем более вы все знакомы, — лениво вставляет Ансар и устраивается рядом со мной так, будто место возле него было заранее зарезервировано. — Ты теперь должна оберегать меня от пристального женского внимания. Раз уж оставила без рубашки.

Макс дёргается на диване и подливает себе ещё.

Ох... не надо. Ты же не дружишь с алкоголем.

— Так, мальчики, — я поднимаю руку, пытаюсь вернуть контроль. — Я не заложница. И сама решу, сколько мне с вами тусоваться. В конце концов, я не одна пришла.

— С кем? — молчаливый Кирилл наконец подаёт признаки жизни. Наверное, это его максимум слов за день.

— Со Светой. Она, наверное, уже потеряла меня. Надо бы найти её, а то она точно поднимет на уши весь клуб.

— Рыжухой? — оживляется Алекс.

— Да.

Я не успеваю договорить, как Кирилл и Алекс исчезают из поля зрения.

— Ну вот и друзья тебе! — усмехается Никитос. — Стоит появиться женщине — и всё, конец мужской дружбе.

— Нас это не коснётся, бро! — Ансар откидывается и осушает бокал.

— Макс, ты чего такой хмурый? — не унимается Никита. Сколько же энергии у этого рыжего парня.

Макс молчит. Только пьёт — и смотрит так, будто этот вечер он мне не простит.

Именинник не сдаётся и переключается на Ансара. Они начинают обсуждать какие-то темы, в которые я даже не пытаюсь вникать. Липкий взгляд Макса отвлекает. Да что ему от меня надо? Неужели... заревновал?

— Я в уборную, — предупреждаю я Ансара. Хотя кто он мне? Почему-то выходит рефлекторно — и, кажется, он это замечает.

— Мы же только что оттуда, — в глазах нового знакомого вспыхивает огонёк.

С другого конца дивана доносится нервный выдох.

В уборной было тише. Та самая “кабинка” — комната с диваном и огромным зеркалом встретила меня приглушённым светом. Я только шагнула к раковине, как дверь позади щёлкнула замком.

Не случайно.

Я обернулась — Макс.

— Ты с ума сошёл? — голос получился тише, чем хотелось. — Что ты тут делаешь?

— Я хотел поговорить, — быстро сказал он. По нему было видно: алкоголь и злость мешаются с нервами. — Нормально поговорить, Алина.

— Тогда открой дверь и поговорим снаружи.

Он не двинулся.

— Две минуты, — выдохнул Макс, делая шаг ближе. — Ты правда думаешь, что этот Ансар... просто так?

— Макс, мне всё равно, что ты думаешь. Открой.

Я направилась к двери. Он шагнул наперерез — не тронул, но встал так, что пройти было невозможно.

— Ты серьёзно? — у меня внутри поднималась холодная злость. — Отойди.

— Я просто хочу понять, — быстро заговорил он, и это “просто” прозвучало почти жалко. — Ты с ним? Ты... вообще понимаешь, как это выглядит?

— Это выглядит так, что ты меня запер, — отчеканила я. — Открой. Сейчас.

Макс дёрнул челюстью, будто сам слышит, как это звучит, но не сдаётся. Шагнул ближе, и в голосе снова полезла ревность — грязная, липкая.

— А нормально было тащить его в уборную и раздевать? — выдохнул он, и голос сорвался.

— Это была рубашка, идиот!

Я намеренно медленно сместилась к двери, чтобы не спровоцировать.

— Отойди. Открой. Прямо сейчас.

Макс мотнул головой, как человек, который понимает, что творит глупость, но уже не может остановиться.

— Ты мне просто скажи, — он схватил мою руку и сжал сильнее обычного. — Ты с ним?

— Нет. И даже если бы да — тебя это не касается.

— Я соскучился, — сказал он глухо, чуть ослабив хватку. — Я думал, у нас ещё есть шанс.

— Не ты ли был инициатором нашего расставания? — Меня кольнула мысль, что он сожалеет. — У нас нет «нас», Макс.

Я снова потянулась к двери, выдернула руку из оков.

И тогда он сделал самую тупую вещь на свете — резко наклонился и поцеловал. Импульсом. Размазав мне помаду.

Я тут же упёрлась ладонью ему в грудь и оттолкнула.

— Не смей, — голос сорвался, но слова вышли чётко.

Макс отступил на полшага, как будто только сейчас очнулся.

— Алина, подожди...

— Открой дверь.

В коридоре послышались шаги — быстрые, уверенные. Ручку дёрнули.

— Алина? — голос Ансара.

Глаза Макса забежали. Он понял: времени на слова не осталось.

Макс дёрнулся. Рука метнулась к замку — почти злым движением. Щёлкнуло.

— Мы разговариваем, — бросил он, распахивая дверь ровно настолько, чтобы Ансар видел: «ничего не было».

Ансар стоял в проёме. Сначала посмотрел на Макса — холодно, в упор. Только потом — на меня.

— Ты в порядке? — коротко.

Я кивнула и шагнула к выходу.

Макс схватил меня за руку.

Ансар сдвинулся мгновенно. Ладонь легла Максy на предплечье — жёстко. Пальцы сжались, и хватка Макса ослабла сама собой.

— Руку убрал, — сказал Ансар тихо. Не повышая голоса — так, что от этого становилось хуже.

Макс дёрнул челюстью, но отступил.

В коридоре раздались громкие шаги — и влетел Никита. Один взгляд на меня, на Макса, на размазанную помаду — и всё стало ясно.

— Ты охренел? Пошли, — Никита вцепился в Макса и потащил прочь.

Уже на ходу бросил через плечо:

— Прости, Алинка. Он не в себе.

Глава 3

Я сама уже не помню, как мы вообще добрались до дома — в голове всё плыло, то ли от коктейлей, то ли от нервов. Веселиться больше не хотелось. Хотелось закрыть дверь, и чтобы меня никто не трогал.

Ансар сказал, что проводит меня — спокойно, без обсуждений, словно речь шла не о любезности, а о стратегической необходимости. И в его тоне не было места возражениям. Слишком уж легко Макс перешёл границу. Светик при виде Ансара только сильнее напряглась и пошла с нами: «я вас одних не оставлю». Кирилл и Алекс увязались за ней.

— Я никуда не пойду! Я тебя не знаю и с Алинкой не оставлю... да плевать мне, что ты ее защитил от Макса... — рыжюлька не скупилась на высказывания и спорила как в последний раз в жизни.

— Все равно я останусь. — раздался другой голос.

— Светик, поздно уже. Домой надо. Давай тебя отвезу.

— Тебе надо вот и вали, Алекс!

— Не горячись!

— Помолчи, Кирилл!

Ох! Эта женщина всех там разнесет на атомы своей необузданной энергией.

Дверь приоткрылась, и я шагнула в комнату. Пора остановить этот балаган, иначе к нам присоединятся недовольные соседи.

— Чуть-чуть потише, пожалуйста. Сейчас весь дом на разборки сбежится.

— О, святые небеса! — подруга подскочила ко мне. — Я убью его! Вот увидишь. Он с работы полетит как ядро из пушки! — Светик уже почти рыдала.

— Я сама его убью, когда протрезвеет. — проведя рукой по запястью. Схватил Макс сильно. Так, что кожа в этом месте неприятно щипала.

Откуда не возьмись оказался Ансар и приложил холодный компресс из своей шелковой рубашки к месту несогласованного контакта, оставленному бывшим.

— Не лапай мою подругу! — рыжая, наверное, сейчас любого мужчину, который хоть как-то косо посмотрит в мою сторону готова уничтожить. Если не физически, то морально.

— Теперь я понимаю, почему девушки частенько ходят в туалет с подругами. С такой, как она тебе моя помощь не понадобилась бы. — с улыбкой произнес светловолосый мужчина.

— Если бы ты ее не увел в ваш шатер, мы бы прекрасно время проводили на тусовке.

— Если бы не твоя голубая лагуна, подруга, я бы не налетела на Ансара и не испортила ему рубашку.

— Ты за кого сейчас? За него? — Светик недовольно буркнула и, схватив сумку, зашагала в сторону двери, но вернулась через пару секунд. — А, вот не дождётесь! Я ночую у тебя. Проваливайте все. Мне с Алинкой надо побыть. У неё стресс от пережитого.

— Забавная она! — чуть слышно произнёс Ансар, аккуратно прижимая холодный компресс к моему запястью.

— Спасибо, что пришёл на выручку, — покраснела я.

— Да. Долго тебя не было, вот и пошёл искать.

— Прости. Я сказать не успела, что Макс...

— Козёл? — голос парня стал жёстче и грубее.

Руки ещё дрожали. Поцелуй был «всего лишь» поцелуем — но от того, что меня заперли и не спросили, легче не становилось.

Ансар легонько накрыл мои руки своей ладонью. Серебряный перстень с красивым камнем украл безымянный палец моего спасителя. Кстати, он до сих пор был без рубашки.

— Эй! Полуголый, хватит клеиться к Алинке! — кажется, Светик рвётся в бой. Спасибо Кириллу и Алексу: они, как две курицы-наседки, успокаивают мою разгорячённую подругу.

— Заявление писать будешь? — тихо спросил Ансар.

Меня как будто выдернули из тёплой воды на мороз. Макс никогда не проявлял агрессию по отношению ко мне. И даже та мимолётная слабость его слепой ревности не сделала его монстром. То, что он говорил, что скучает по мне... Мне казалось, всё было искренним, хоть и не ванильно-карамельным. Ещё бы: мы три года были вместе. Наши отношения за это время давно исчерпали всю романтику. Но там в уборной он как будто впервые встретил меня. «Я думал, у нас ещё есть шанс» — эта короткая фраза выбила почву из-под моих ног.

— Ты преувеличиваешь. Не буду я ничего писать. Я сама его прибую. Если что — Светик добьёт.

Подруга кивнула с холодной решимостью.

Ансар лишь промолчал. Он прикусил губы и перевернул компресс другой стороной.

— Тогда я побуду с тобой. Для страховки, — его фраза прозвучала не как вопрос, а как утверждение, с которым спорить было невозможно.

* * *

Моя квартира сегодня напоминала общежитие. В соседней комнате на кровати сопели в три носа: Кирилл, Алекс и Света. Странно, но эти двое парней всегда ухлёстывали за моей взбалмошной подругой: терпели её выходки и как-то нашли компромисс между друг другом — и не рвали друг другу глотки, кому она достанется. Наверное, Светик сама решила их спор, когда отказала обоим в ухаживаниях.

В отличие от этой троицы сон мне не шёл, и я, переодевшись в просторную пижаму, пошла заваривать чай.

Ансар, казалось, тоже уснул на диване в зале, даже не укрывшись.

Ну вот почему меня так сильно волнует комфорт других людей? Я достала розовый плед из шкафа и на цыпочках подошла к парню. Накрыла его — а то вдруг мёрзнет — и, чтобы покрывало не сползло, подбила сбоку. Это и стало моей ошибкой. В ночном свете сверкнули его ледяные глаза.

— У тебя чуткий сон! — прошептала я.

— Удивительно, что он вообще наступил.

— Ты страдаешь бессонницей?

— Можно и так сказать.

Я обречённо упёрлась в подлокотник дивана, проклиная себя за то, что сорвала «свидание» парня со сладким сном. Потому что сама — не понаслышке — знала, как мучительно хотеть спать и не мочь.

После расставания я три месяца жила с этим недугом. Ходила к неврологу, потом к психологу. Всё изменилось, когда однажды я всё-таки уснула — и ко мне во сне пришёл парень. Я не видела его лица чётко, но чувствовала. Он был моим проводником: только рядом с ним сон становился глубоким и спокойным. Просыпаясь, я впервые за долгое время была отдохнувшей.

Возможно, сегодня я снова встретила с ним... если бы день не оказался таким насыщенным.

— Прости. Видимо, я та, кто невольно рушит все твои планы.

Ансар коснулся моих волос так же неспешно и легко — будто боялся спугнуть.

— Или та, кто создаёт их.

Я подняла голову. Наши взгляды встретились. Он продолжал гладить меня по волосам, а я — ловить каждую секунду его нежности.

Вот что делает отсутствие отношений. Мне этого безумно не хватало. Разорвав связь с Максом, я стала дико одинокой. Это он «приручил» меня к объятиям, поцелуям, к чьему-то

теплу рядом. А после «нас» мне пришлось привыкать к новому статусу — «я». К этому холоду, который пронизывал не только снаружи, но и изнутри.

— Ансар... мы раньше с тобой не встречались? — почему именно это вырвалось у меня? Тело будто само подкинуло нужный импульс, и вопрос прозвучал без моего разрешения.

— А ты как считаешь? — на щеках снова обозначились ямочки.

— Только не смейся... но не так давно я начала видеть во сне одного парня... — я запнулась, словно сказала глупость.

— Продолжай, — глаза моего спасителя блеснули. Он стал собранным, внимательным.

— Ты напоминаешь мне его.

Я закончила — и затаила дыхание, ожидая реакции.

— Можно мне кое-что проверить? — спокойно спросил Ансар, придвигаясь ближе на диване.

— Подозрительно звучит.

— Это не больно. Обещаю.

— Хорошо. Если это так важно для тебя.

Он положил ладони мне на плечи и медленно развернул спиной к себе. По позвоночнику пробежала приятная волна мурашек. В квартире вроде не холодно... Тогда почему меня так пробирает? Неужели из-за его серых глаз, которые сейчас будто «смотрят» мне в затылок?

Ансар неторопливо отодвинул волосы на моём затылке и очертил пальцем какой-то узор. Прикосновение было долгим, внимательным — как будто в его голове сходилась пазл.

— Что там? Только не говори, что ты врач и нашёл у меня на голове опухоль, — попыталась отшутиться. И тут же поняла, что шутка так себе.

Он не ответил. Провёл пальцем по коже — медленно, внимательно, будто сверялся с чем-то внутри себя.

И я почувствовала это: не боль, а лёгкое покалывание, как от статического электричества.

Ансар чуть наклонил мою голову, ловя другой угол света.

— Вот она... — почти неслышно сказал он.

— Что — «она»?

В лунном блике на коже проступил тонкий узор — будто инеем, будто светящейся пылью: линии складывались в знак, которого не могло быть... и который я никогда не видела в зеркале.

— Meridan'ashar... — выдохнул он мне в макушку, и его голос был полон такой мучительной смеси: облегчения, боли и непогасшей за столетия злобы. — Наконец-то. Я столько лет ждал этой встречи. Он сполз на пол и, обхватив меня сильными руками, прижал к себе. В его объятиях не было нежности — это был жест отчаяния, захвата, признания.

Чего?.. Что вообще происходит?

Я резко отскочила и уставилась на него.

— Ты меня сейчас... проклял? — выдавила я, сама не понимая, шутка это или меня только что записали в ведьмы.

Очень хотелось верить, что он просто пытается произвести впечатление. Станным способом, да.

Он отстранился, чтобы посмотреть мне в лицо. В его серо-голубых глазах бушевала буря, которую не мог сдержать даже его железный самоконтроль.

— Спираль... Ты отправила меня в Спираль. Вечные сны. Мир рушился, а ты... ты не дала мне умереть. Зачем? Для этой минуты? — Его пальцы, всё ещё дрожали, как будто внутри его все еще полыхал гнев.

У меня щёлкнуло внутри — как будто кто-то пытался убедить меня, что гравитации не существует, зато существуют драконы. И всё же память начала выводить смутные узоры, похожие на дежавю: тот сон... проходы... и портал, который я создала одной силой мысли. Тогда я отнеслась к этому как к очередной вспышке фантазии.

Я мельком глянула на дверь в коридор: в соседней комнате была «подмога». На случай, если Ансар действительно тронулся умом.

— То, чего ты коснулась в Мире Сновидений, может отозваться здесь — пересечь границу и стать реальным. Вещи. Существа. Так я и оказался здесь.

Ансар поднял руку: большой палец машинально тёр кольцо на пальце — снова и снова, будто заземляясь на этом движении.

Лёгкий кивок — словно одёрнул себя.

— Там, внутри, лица не держатся, — сказал он тише. — Их нельзя узнать. Поэтому я искал не лицо. Я искал знак. А кольцо... оно притянуло меня к тебе уже в этом мире. Я почувствовал твой след ещё до того, как увидел тебя. А когда увидел метку — окончательно удостоверился.

Я машинально коснулась затылка.

Всё еще недоверчиво щурясь, начала опасаться столь ладной истории моего нового знакомого.

— Ты на актёрском, да? — я поднялась и пошла к чайнику. Руки дрожали, и мне срочно нужен был хоть какой-то бытовой якорь. — У вас задание такое: нести ахиною с серьёзным лицом, чтобы человек поверил?

Чайник щёлкнул кнопкой и загудел. Я достала травы — мелисса, мята... да хоть всё сразу.

Ансар остался сидеть. Только взглядом следил за каждым моим движением, и от этого становилось тесно, как будто кухня вдруг стала меньше.

— Это ещё не всё, да? — злость начала подниматься волной. — Что-то ещё будет?

Лампочка в торшере на секунду замерцала.

Ансар посмотрел на торшер так же внимательно, как на меня.

— Я жду, пока ты переваришь информацию.

Я хотела рассмеяться ему в лицо. Сказать, что я не перевариваю бред. Но его глаза были абсолютно серьёзны. В них не было и тени шутки или безумия — только усталая, выжженная правда.

— А потом?..

— Потом ты займешь своё законное место.

Я бросила ложку в раковину громче, чем нужно.

Чайник закипал и не выключался — щёлкал, но продолжал гудеть, будто не слышал. Я сняла его с подставки.

— Прикольная шутка, — сказала я уже тише. — Я оценила.

Ансар встал и сделал шаг ближе. Не угрожающе — наоборот, осторожно, как к дикому зверю.

— Алина, — произнёс он, и я с облегчением отметила, что он хотя бы помнит моё имя и перестал сыпать “королевами”. — У тебя на затылке есть знак. Символ. Такой был только у моей королевы.

Я сжала край столешницы.

— Раньше я был её стражем, — продолжил он. — И оберегал её и её созвездия.

Откуда-то изнутри поднялось единственное здоровое решение: кивнуть, дать ему чай и аккуратно выпроводить за дверь. Потому что спорить с человеком, который уверенно говорит “созвездие королевы”, — всё равно что просить вихрь успокоится.

Ансар подошёл к столу.

— Раз твои способности проявились... за тобой начнут охоту ришаны.

— На, выпей, — я сунула ему чашку. Горячая, с травами. — Тебе, кажется, нужно поспать.

Он взял чашку двумя руками — так, будто боялся обжечься не кипятком, а реальностью. Отпил. Мы помолчали.

— Тебе нужно найти твои созвездия, Меридан Ашар, — сказал он наконец.

— Ну ничего, — я натянула улыбку. — Сейчас подействует.

— Алина! — его голос не повысился, а стал тише и острее, будто лезвие. Я инстинктивно замолчала. — За тобой уже охотятся. Они пьют страх и ненависть. И твоя сила — это дверь, через которую они сюда войдут. Понимаешь? Ты — их цель и их ключ. Они уже рядом.

Я отпрянула от столешницы. Кожа на руках стала холодной. Внутри всё сопротивлялось его словам — не потому, что я не верила, а потому что, если поверить, жить как раньше уже не получится.

— Стоп, — сказала я ровно. — Хватит.

Я вдохнула медленно, как учат в роликах про “личные границы”.

— Я обычная девушка. Недавно пережила разрыв. И я не подписывалась ни на какие королевства, ришанов и охоты. Понял? Мне это не нужно.

Ансар крепче сжал чашку. Словно пытался удержать себя от резких жестов — или удержать меня от чего-то большего.

— Этот камень, — он протянул руку. На его пальце тускло блеснул перстень, в оправе — прозрачный кристалл. — Последнее, что осталось от того мира.

— Если ты сосредоточишься и посмотришь в него... ты увидишь.

Я зависла.

Сомнения шевельнулись — коротко, болезненно. Но к этому хрустальному осколку тянуло так, будто он тянул не руку — меня целиком.

Я гипнотизировала камень, а камень гипнотизировал меня.

И вдруг — как вспышка на сетчатке: я лечу, как птица. Сверху вижу высоченные остроконечные шпили, стеклянные колонны, переливающиеся радужными полосами. Свет вокруг был не просто светом — он имел вес, густоту. Даже ветер там... будто бы с золотой пылью... мог в любой момент стать чем-то физическим. Сжаться в нитку. В знак. В оружие.

Я “провалилась” дальше.

Девушка со спины — в фиолетовом камзоле. Она не оборачивается, но ощущение такое, будто это я. Только я смотрю на себя со стороны — чужими глазами. Рядом люди. Я знаю, что они мои. Но лица упрямо не дают себя рассмотреть: как ни напрягайся, всё размыто, как будто память защищается.

Галлюцинация?

Нет. Слишком знакомо. Слишком... моё.

Увиденное кольнуло так, что я едва не вдохнула всхлипом.

В голове вспыхнуло: этот фрагмент уже был — во сне. Тогда, когда я “путешествовала” по снам с мужчиной... с Ансаром.

Горячая чашка вдруг обожгла ладонь — чай плеснул на кожу и выдернул меня в кухню, в свою жизнь.

Я отшатнулась, как от чего-то непристойного. В висках застучало, в ушах стоял высокий звон — отзвук того иного света.

— Что за фокусы? Такое ощущение, как будто я была...

— Во сне? — тихо подсказал Ансар.

— Не нравится мне всё это. Думаю, тебе пора отдыхать... к себе. — Дышать становилось тяжелее. Увиденное давило, будто вдавливалось под кожу. Это словно успело стать частью моей памяти.

— Твоя сила питается эмоциями. Страх и гнев для неё — как бензин.

— Прекращай! — срываюсь на крик.

Лампочка в торшере лопнула с резким хлопком — осколки звякнули по полу. Световая панель над гарнитуром задергалась, замерцала. Телевизор в комнате вдруг включился — я подпрыгнула на месте.

— Алина, тише! — Ансар поднял ладонь. — Без созвездия твоя сила может выйти из-под контроля.

— Что нахрен происходит?!

В дверном проёме показалась заспанная Света.

— Вы чего орёте? Я спать из-за вас не могу.

— Дома спать надо! — не могу успокоиться.

Света не успела ответить — её глаза округлились.

Воздух в комнате начал наполняться мелкими светящимися шариками, и от каждого срывался электрический импульс: тонкий, колющий, как статическое по коже.

Мы все замерли, глядя на эту “иллюминацию”, а у меня внутри поднимался коктейль эмоций — не мой, чужой и острый: страх, гнев, отрицание, ярость. Они мешались, вспенивались, давили на грудь.

Я теряю контроль.

В дверь постучали. Раз. Ещё. И ещё.

— Да что ж такое-то... — я ударила ладонью по столешнице.

Импульсы вытянулись в тонкие нити, нити начали разрастаться, переплетаться — и свет стал не нужен: пространство само превратилось в сияющую сеть, как новогодняя гирлянда, сошедшая с ума.

Стук повторился — уже требовательно.

Света, рыжая, не выдержала и сорвалась:

— Алин! Отруби это!

— Я не могу! — голос у меня соскальзывает в писк, и от этого становится ещё страшнее.

Я не просто не могла — я не знала, КАК. Это было как пытаться остановить чихание в самый пик. Сила рвалась наружу сама, подпитываясь моим ужасом от этого ощущения.

— В смысле “не могу”?! Это же твоя квартира! — наехала Света, и тут же сама дёрнулась назад, потому что рядом с ней в воздух поднялась тарелка. — Ты тут главная по выключателям!

В ответ на её крик по комнате прошла волна: несколько предметов сорвались с мест — как будто их дёрнули невидимыми нитями.

— Свет, назад! — Кирилл рванул к ней первым.

Алекс оказался рядом почти одновременно. Один отбил летящий в Свету нож, другой — поймал шампур у самого лица и швырнул его на пол. Предметы всё равно тянуло к рыжей, будто она вдруг стала магнитом для хаоса.

Света, задышавшись, посмотрела то на меня, то на зависшую в воздухе вилку — и выдавила истерично:

— Я, конечно, знала, что у тебя бардак... но, чтобы со спецэффектами?!

Кирилл коротко глянул на Алекса — тот молча кивнул, как будто они вдвоём приняли решение: не паниковать при ней, паниковать потом.

— Они идут на всплеск энергии! Замолчи и дыши! — ровно, почти гипнотически повторял Ансар, медленно покачивая рукой. Я не слышала.

Передо мной разрастался тугий клубок из светящихся нитей. Шипение забивало уши.

И в этом клубке проступил силуэт морды — будто кто-то пытался протолкнуть голову через саму ткань воздуха. Нечто безобразно-страшное: влажный изгиб пасти, темнота внутри, хищный рывок вперёд.

Глава 4

Пасть раскрылась — как будто собиралась проглотить меня целиком.

Ком подступил к горлу.

Краем глаза я заметила: в руке Ансара блеснул клинок — изогнутый, как полумесяц.

Стук — и сразу щёлкнул замок входной двери.

Дверь приоткрылась.

И в этот момент меня обхватили сзади и резко оттащили от набирающего силу шара и этой пасти. Я ударилась спиной о чью-то грудь, вдохнула запах — знакомый до боли.

Обернулась.

Макс.

Перепуганный. Живой. Здесь.

Как он вошёл? У него... остался ключ?..

Но важнее было другое: от одного его присутствия мне вдруг стало легко — будто кто-то выключил внутри сирену. Я не “успокоилась”. Меня успокоили. Одним касанием. Как кнопкой.

Гнев улетучился.

Нити дрогнули — и начали рушиться, распадаться, гаснуть, как гирлянда, которую выдернули из розетки.

Разрыв в воздухе схлопнулся.

Сухо. Жестоко.

Словно дверь захлопнули по живому.

Тварь не успела отдёрнуться: её голова осталась по эту сторону — отрезанная, тяжёлая, нереально настоящая. Серебристая жидкость вытекала из среза и шипела на полу.

Ансар не колебался — шаг, взмах, и его полумесяц-оружие вошёл в башку, будто втыкали шампур в сырое мясо.

Мы поднялись из-за дивана.

На нас смотрели четыре пары глаз — Света, Кирилл, Алекс... и Ансар, напряжённый, не отводивший взгляда от Макса, будто видел в нём не человека.

Я огляделась: никакой потусторонщины, кроме огромной башки с серебряной жижей. Ни шаров. Ни нитей. Только осколки лампы на полу и моё бешено колотящееся сердце.

В тишине, густой после хаоса, раздался резкий, почти истеричный смешок. Это была Света. Она стояла, прижимаясь к Кириллу, но смотрела не на голову монстра, а на Ансара, а потом на меня.

— Что это за сеанс спиритизма?! — её голос сорвался не на крик, а на какой-то сдавленный визг, в котором было больше паники, чем гнева. — Я сейчас проснусь и все это мне приснилось, да? Скажите, что это массовый психоз из-за просроченных роллов!

Кирилл молча сглотнул, его рука на плече Светы была белой от напряжения. Алекс не сводил глаз с серебристой лужи, медленно разъедающей ковер, его обычно спокойное лицо было пустым — мозг отказывался обрабатывать картинку.

Я ткнула пальцем в Ансара, мой собственный голос прозвучал чужеродно и плоско:

— Спросите у него.

Света перевела на Ансара взгляд, полый от непонимания. Светловолосый мужчина даже бровью не повел, приняв этот взгляд как должное. Его спокойствие в этой ситуации казалось самым безумным из всего, что произошло.

И я сразу повернулась к Макс:

— Что ты тут забыл, Макс?

Он сглотнул, словно сам не понимал, почему стоит в моей квартире посередине ночи.

— Не знаю... — выдохнул он. — Что-то внутри подсказывало, что я должен быть сейчас у тебя.

Ансар медленно кивнул, будто получил подтверждение.

— Притяжение созвездия, — сказал он. — Он... судя по всему, твой якорь.

Я моргнула.

— Я тебе что, корабль? — вырвалось у меня. — Якорь...

Ансар шагнул к Максиму так резко, что тот инстинктивно напрягся.

— Не дёргайся, — коротко бросил Ансар и уже тише добавил — Я должен убедиться.

— Слушай... я, конечно, всё понимаю, но у меня вообще-то правило: мужчины меня не трогают. Особенно незнакомые. Особенно два раза за вечер.

Света, прижавшись к Кириллу плечом, ткнула пальцем в пол:

— А голова монстра никого не смущает, да?

Серебристая жидкость из отрезанной головы расплзлась по ворсу, как ртуть, только гуще — и неприятно живая. Край ковра темнел, дымился и начинал слипаться, будто его кто-то расплавлял изнутри. В воздухе стоял сладковато-металлический запах.

Алекс метнулся на кухню:

— Пакеты! Таз! Что угодно!

Кирилл схватил со стула плед и накинул его на ближайшее “озерцо”, пытаясь сдержать растекание, но ткань зашипела, и он отдернул руки.

— Не трогай! — рявкнул Ансар, не отрываясь от Макса.

— Мне надо взглянуть на твой затылок. Если у тебя знак созвездия Меридан Ашар то это все объясняет. — Ансар спокойно выжидал пока сказанное осядет в голове Макса и тот даст добро.

Макс посмотрел на меня, как будто ждал одобрения и повернулся спиной к Ансару приподняв темные волосы с затылка.

— Ну, смотри!

Ансар провел пальцем по коже мужчины. Перстень слегка сверкнул. Ансар ненадолго завис, всматриваясь в грани камня.

Я все пыталась приподняться на цыпочки у разглядеть что же так старательно ищет светловолосый мужчина. Таинственный спутник моих снов.

На затылке — в полосе кожи над линией шеи — проступал знак. Сначала едва заметный, будто след от давления, потом чётче: тонкие линии складывались в знакомый рисунок, как созвездие, которое кто-то нарисовал изнутри.

Ансар задержал пальцы в воздухе, не касаясь кожи.

— Так и есть, — сказал он глухо. — Метка.

Серо-голубые глаза Ансара слегка расширились. Нет, обнимать он моего бывшего не стал.

Макс выдохнул сквозь зубы и рефлекторно потянулся рукой к затылку:

— Что за... Я ничего не набивал.

— И не надо было, — отрезал Ансар. — Это не чернила.

Света нервно хохотнула — резко, на грани:

— Отлично. Просто... созвездие на затылке. Нормальный четверг.

Серебро на ковре тем временем дотянулось до ножки журнального столика — и дерево пошло пятнами, будто его разъедали.

Я слотнула:

— И что мы делаем с... этим?

Ансар наконец отпустил ворот Макса и повернулся к голове. Полумесяц-оружие всё ещё торчал в ней, удерживая тушу на месте, но жидкость всё равно сочилась.

— Не даём ей “укорениться”, — сказал он. — И не даём высохнуть здесь. Это приманка.

Он быстро оглядел кухню, как человек, который уже делал подобное не раз.

— Алекс. Любая большая ёмкость. Света — открой окна. Кирилл — убери ковёр от края, но только не руками. Чем-то твёрдым. Доской. Подносом. Чем угодно.

Света всплеснула руками:

— Окна — пожалуйста! А ковёр... Алина, ты слышишь? Твой ковёр сейчас умрёт героически!

Ансар поднял на меня взгляд:

— Алина, держись рядом с Максом. Сейчас. Не отходи.

Макс, уже собравшись, кивнул мне — без привычной нежности, просто по-деловому:

— Скажи куда встать.

И пока они метались за тазами и пакетами, а серебро шипело на ворсе, я впервые до конца поняла, что “якорь” — это не метафора. Это прямой приказ миру: будь здесь, когда ей плохо. Иначе прорвёт.

Я рассматривала Макса. Он держался — по крайней мере, делал вид. Зеленые глаза следили за тем, как ребята возились с огромной головой чудовища, превратившейся в нелепое «украшение» моей гостиной. Его можно было понять: я хоть как-то успела переварить происходящее, а он просто оказался втянут в самое пекло.

— Спасибо, что пришёл, — сказала я и осторожно коснулась его руки, будто проверяя, настоящий ли он.

Макс вздрогнул и повернулся так, словно я вытащила его из глубокого, липкого сна. На секунду в его лице мелькнуло что-то почти беспомощное — и тут же спряталось обратно, за привычной усмешкой.

— Я... — он сглотнул, глядя мимо меня, на ковёр, на кровь, слизь, на чужую голову. — Я думал, что если уйду, станет проще. Тебе. Нам.

Он посмотрел прямо на меня. И в этом взгляде было слишком много того, что он обычно не показывал: страх, злость на себя, и упрямое “я всё равно рядом”.

— Похоже, я опять не смог, — выдохнул он тише. — Не смог тебя оставить.

Ком подступил к горлу, и я заставила себя не отвести взгляд. Его тон, паузы, как он произнёс «тебя» — всё имело двойной смысл, слишком сердечный для бывших. Струны внутри дрогнули, отзываясь сразу горечью и сладостью. Я резко выдохнула.

Нет. Я не должна снова раскручивать этот клубок. Я слишком долго отходила от Макса. Не сейчас.

Закончив с уборкой, Ансар, не объясняясь, куда-то унёс голову — что, пожалуй, было к лучшему.

По его настоянию Макс провёл над моей рукой небольшой «ритуал». На этот раз он не сжимал её, а лишь бережно удерживал, лёгким касанием, словно боясь сделать больно. Как объяснил Ансар, Макс оставлял на мне «отпечаток» своей силы — защиту от рвущих аномалий. После процедуры Макс казался вымотанным. Неужели это «побочка»?

Света смотрела на нас так, как смотрят на людей, которые всерьёз обсуждают инопланетян. Вот, вот и вызовет бригаду скорой помощи для умалишенных. Кирилл с Алексом всё же уговорили её поехать домой: до работы три часа, надо хотя бы немного поспать. В моей квартире это уже стало роскошью.

И, когда все разошлись я смогла насладиться остатком времени, чтобы впасть в беспамятное состояние. Снов в эту ночь не было.

Если я Королева мира сновидений, почему не могу видеть сны? Логика покинула мои мысли, как и силы. Я заснула.

Утро наступило, как в тумане.

Вечеринка не удалась. Хаос — здравствуй.

На работе нужно было сдать важный проект, презентация на носу, и я изо всех сил пыталась удержаться за привычную реальность: шрифты, таблицы, правки. Света тоже выглядела разбитой, но держалась лучше меня. Коллеги решили, что мы просто «отрывались» до утра.

Если бы они знали, как нам было весело.

Я отгоняла мысли об Ансаре, о «Меридан Ашар», о знаке на затылке. Первые три удавалось загнать поглубже. С Максом же это не работало. Он то и дело мелькал рядом, будто пространство само подталкивало его к моему столу. От этих взглядов... по коже бежали мурашки.

— Алина, очнись. Вы расстались.

Тот факт, что он твой “якорь”, не делает его твоим человеком.

Хотелось бы думать, что это просто рабочая необходимость. Какая-то новая мистическая «должностная инструкция». Фу. Какой бред. Куда я влипла.

— Чёрт, опять... — вырвалось у меня, пока я нервно исправляла опечатку. Буквы, как назло, слипались в неразборчивые каракули.

Всё из-за этого напряжения.

Я подняла глаза. — Это для продуктивности, — сказал Макс, ставя на стол стаканчик с кофе.

Конечно. Видимо, он теперь от меня не отлипнет. Как удобно: любой предлог быть рядом теперь официально оправдан.

— А тебе работать не надо? — попыталась я отвести его. — И как ты вообще держишься после... всего?

Он и правда выглядел так, будто ночью не таскал по моей гостиной чудовищную голову: пах, как люксовый аристократ, одет с иголочки, свежий. Ни трещины.

— Решил проверить, как ты, — он сделал паузу, и уголок губ дёрнулся. — ...Королева.

У меня щёлкнуло в голове.

Я медленно подняла глаза и зависла, пальцы замерли над клавиатурой.

— Что?

— Ансар мне всё вкратце объяснил, — спокойно добавил он, и в этой спокойности было что-то опасно-уверенное.

— Ах, вы уже и сдружиться успели, — в моём голосе послышалась лёгкая усмешка.

И тут я замечаю: на нас искоса смотрят чьи-то злобные глаза. Этот взгляд.

Наташа.

— Наташа бдит, Макс, — отмечаю я с лёгкой улыбкой, будто просто делюсь наблюдением.

Он даже не оборачивается.

— И?

— Что “и”? — я тоже стараюсь звучать непринуждённо. — У тебя привычка, что ли, девушек первым бросать?

Макс наконец переводит взгляд на меня — не злой, не оправдывающийся. Уставший и прямой.

— Мы с ней не встречаемся, чтобы я её бросал.

— Как удобно, — бурчу я и демонстративно возвращаюсь к работе, утыкаясь в экран.

Пару секунд он стоит рядом, как будто хочет сказать что-то ещё — настоящее, не колкое. Но вместо этого, уже отходя, бросает через плечо:

— Хорошего дня... королева.

Меня снова обжигает от этой наглости. И вместе с этим — от того, как привычно он попадает в меня словом.

Изображение на мониторе дёргается, искажается. Среди моего текста на секунду проглядывают чужие буквы — тонкие, угольные, будто проступившие сквозь цифровую ткань экрана.

Я моргаю, рука сама тянется к курсору, но поймать смысл не успеваю: видение растворяется, будто мне всё это лишь почудилось.

Мне не остаётся ничего, кроме как продолжить работу.

Я тоже заставляю себя вернуться в нормальность. Кофе оказался, кстати, спасительным: внутри наконец щёлкнуло, запустились процессы. Я дожимаю презентацию, собираю всё в одну чёткую, красивую цепочку мыслей — и только выдыхаю...

Как на стол с глухим звуком падает папка.

— Ты, вижу, освободилась! — заявляет Наташа. Ревности в голосе нет — ни грамма. Только сахарная деловитость, от которой хочется скрипнуть зубами. — Вот новые клиенты. Надо продумать концепцию, брендинг.

Она перебирает файлы, будто создала для меня идеальную структуру и ход работы. Но я-то понимаю: это не забота. Это способ занять мне рот и руки, чтобы я меньше смотрела по сторонам. Чтобы я вообще не смотрела в сторону Макса.

— Да, конечно. Я ознакомлюсь. Спасибо, — моя самая милая улыбка отправляется ей в ответ. Такая же “милая”, как её.

Наташа отвечает кивком и удаляется.

Я беру первую папку, читаю пару строк — и понимаю, что голова сегодня выдала максимум на завершённом проекте. А сейчас внутри пусто, как после бессонной ночи и ужаса в моей гостиной.

Я отрываю взгляд от бумаг, поднимаю глаза — вижу, как Наташа касается руки Макса.

Легко. Как будто имеет право.

Макс не дёргается резко. Просто — аккуратно, почти незаметно — сдвигает её ладонь, освобождая руку, и отстранённо что-то говорит, не повышая голоса. Тон ровный, но в нём слышится граница.

Наташа не задерживается у его стола. Разворачивается и уходит — быстро, с прямой спиной.

И явно недовольная.

А у меня почему-то в груди становится тесно. Не радостно — нет. Просто тесно. Потому что это ничего не решает. Он рядом не из вежливости. И я это чувствую — как помеху в воздухе, как тихий, тяжёлый магнит.

Рабочий день идёт своим чередом. Наступает долгожданный час перерыва на обед. Многие в офисе уходят в кафе неподалёку — их тут полно, удобно. Смена обстановки даёт мозгу иллюзию новизны, и работать становится чуть легче.

Света — а вернее, моя директор, Светлана Игоревна — должна вернуться с минуты на минуту. Я всё же хочу показать ей презентацию, согласовать пару моментов.

В коридоре раздаются шаги. Из-за угла выныривает курьер; в руках у него большой букет цветов. Я не напрягаюсь: он уже прошёл пост охраны. Посторонних сюда бы не пустили.

Очередной ухажёр подружки решил устроить сюрприз?

— В кабинет, — киваю я на огороженную стеклянную «аудиторию».

— Это для Алины Сергеевны. Она там сидит? — уточняет курьер.

Я отвлекаюсь от бумаг и только сейчас по-настоящему вижу букет: алые розы — слишком яркие для обычного “спасибо за сотрудничество”.

— А... это я, — произношу так, будто сама не уверена, что «я» — это действительно я.

Курьер аккуратно ставит цветы на мой стол, а сам уже отстраняется, сделав своё дело. Но мой фокус уже намертво приклеен к букету.

От кого? У меня нет никого, кто мог бы прислать такой явный намёк на симпатию — да ещё в офис.

Я тянусь к карточке, пальцы вдруг становятся неловкими. Читаю:

«Я был не прав. Дай мне ещё один шанс. М.»

— Вот же... — обречённо выдыхаю я.

И не успеваю даже опустить карточку обратно, как сзади меня резко хватают. Одну руку заламывают за спину так, что плечо простреливает болью. К горлу прижимается что-то холодное.

Мозг успевает послать короткий, ясный сигнал: это не лёд.

— Это было слишком легко, Меридан, — шипит голос над самым ухом.

Интонация та же. И — главное — рукав. Тот самый грубый тканый материал, который я только что видела, принимая букет.

Курьер.

Я не успеваю даже испугаться — будто страх застревает где-то на подходе, не находя места в теле. Зато за меня это делает Света.

Она вскрикивает так резко и громко, что нападавший дёргается. Холод у моего горла исчезает — и в ту же секунду нож летит в сторону Светы.

Но проходит мимо.

Металл с глухим, злым стуком врежется в прозрачную стеклянную стену, когда Света рефлекторно скрещивает руки перед собой.

Смотрит так, будто увидела настоящего Деда Мороза: глаза круглые, волосы дыбом. Переводит взгляд на свои ладони и не понимает, как это могло произойти.

— Это... я сделала? — выдыхает она; в голосе одновременно радость и ужас.

Подруга, будто проверяя, что это не случайность, снова скрещивает руки. В пространстве мерцает щит.

Секунда тишины.

А потом — воздух будто становится тяжелее. И я понимаю: это не просто “нападение”. Это охота.

Пока злоумышленник соображает, как нож сам вырвался из его рук, я пользуюсь долгожданной секундой его промедления, дёргаюсь к Свете.

— Тебе не уйти в этот раз, Меридан! — голос курьера становится зловещим, шуршащим, будто кто-то настраивает каналы на старом телевизоре.

Его глаза — и даже кожа лица — затягиваются тёмной пеленой. Он бросается на нас, но словно налетает на невидимую стену: воздух дрожит, и удар гаснет, как о стекло.

Мы со Светой переглядываемся.

В голове вспыхивают слова Ансара: «То, что ты видишь во сне, ты умеешь сделать настоящим. Вещи, существа... порталы.»

Точно. Вещи!

Первое, что приходит на ум — мне нужен меч. Почему именно меч? Видимо, пора заканчивать читать романтические истории про рыцарей.

Я концентрируюсь. Внутри начинает обжигать, как будто мне в грудь насыпали горячих углей. Руку инстинктивно уводит в сторону, ладонь раскрывается, пальцы ощущают пустоту — но пустота вдруг не пустая. Как будто между слоями воздуха есть карман, и я шарю в нём, удерживая в голове образ клинка, пока брыкающаяся тварь снова кидается в нашу сторону.

Света на каком-то подсознательном уровне выставляет руки вперёд — и существо не может подступить ближе. Прозрачная перегородка рядом с нами слегка звенит, резонирует от невидимого давления.

— Аalinka, блин! Ты что творишь? Зови охрану! — рыжая отступает на полшага, не опуская рук.

— Я хочу кое-что попробовать...

И я вытаскиваю из воздуха предмет с таким уверенным видом, будто сейчас появится меч-кладенец. Достаточно его показать — и чудище испугается и исчезнет.

Но это не меч.

Ваза.

— Ваза?! — вырывается у меня. — Да что...

Конечно. Я же думала о цветах. О “М”. О букете. Мозг предательски выбрал самую бытовую ассоциацию: букету нужна вода.

— Не время украшать рабочее место! — взрывается Света, и я впервые слышу в её голосе не просто страх — почти отчаяние.

Пока она говорит, по прозрачной перегородке расползаются трещины — тонкие, как на льду в оттепель.

— Ещё раз, — сквозь зубы шепчу я. — Ладно. Ещё раз.

Я снова хватаю пустоту, снова тяну.

Теперь я «точно» уверена: клинок. Холодный металл. Ручка в ладони. Вес.

И... нет.

Степлер. Огромный, тяжеленный, размером с кирпич.

— Да издеваешься?! — шиплю я и, не раздумывая, швыряю его в курьера.

Степлер летит, как снаряд. Существо дёргается; у него из-под куртки уже проступает чёрный хвост — длинный, хлёсткий, как ремень. По воздуху идёт мерзкая рябь.

Я пробую ещё раз.

Дырокол.

Ещё.

Корзина для мусора.

Ещё.

Офисная табличка «СОБЛЮДАЙТЕ ТИШИНУ» — ирония настолько неуместная, что хочется истерически рассмеяться.

Я не унываю. Всё, что удаётся вытащить, я тут же швыряю в сторону неприятеля, как будто количество предметов может заменить качество оружия.

Света смотрит на меня уже с каким-то снисходительным ужасом — как на человека, который героически решил спасти ситуацию... и выбрал для этого канцелярский апокалипсис.

И как спасательный круг в этой предметной неразберихе моей руки касается другая. Тёплая. Уверенная. Нежная — не по слабости, а по точности.

— Макс!!!

— Давай вместе, — коротко говорит он.

Он переплетает наши пальцы и будто “вкручивает” мою ладонь в нужное направление. Мы одновременно опускаем руки в пространственный карман — и на этот раз пустота отвечает. Мой взгляд от недоумения прилипает к его профилю: сосредоточенный, собранный, как человек, который уже прицелился — и просто ждёт момента нажать.

С ним задуманное становится реальным. Как будто его присутствие прибавляет мои мысли гвоздями, не даёт им расползаться.

Меч.

В ладонь приходит тяжесть. Настоящая. Холодная. Металл, который не должен был существовать в офисе среди кофе, пластиковых пропусков и таблиц в Excel.

Я вытягиваю оружие из воздуха — и сердце проваливается вниз.

Потому что меч у меня есть.

А навыка — нет.

В книгах героини грациозно размахивают клинками. В моей руке эта штука ощущается как увесистая железная палка, которой можно разве что гвозди забивать.

— И что теперь? — выдыхаю я, чувствуя, как пальцы судорожно пытаются понять, где у этого “предмета” начало, где конец, и как вообще его держать, чтобы не отрубить себе что-нибудь ценное.

— Держи двумя руками. Лезвие — от себя, — спокойно, почти буднично инструктирует Макс, не отрывая взгляда от курьера. — Ноги чуть шире. Не руби. Колоть проще.

— Макс... я...

— Алина, слушай меня, — его голос становится ниже. Не жёстким — якорным. — Ты не фехтуешь. Тебе и не надо. Тебе надо решить, что он больше к тебе не подойдёт.

Тварь по ту сторону преграды дёргается, шипит, хвост хлещет воздух. Он почти пробил барьер. Тёмная пелена на лице курьера становится плотнее, как мокрая ткань, и из-под неё проступают не черты — тень чего-то другого.

— Меридан! — руки курьера уже не руки, а лапы, которые синхронно обрушиваются на защитный купол. Света чуть оседает на пол. На её лбу проступила испарина. Всхлипывает от напряжения; преграда дрожит, трещины по стеклу расходятся паутиной.

Макс сдвигается ближе так, что я чувствую его плечо у своего. Не заслоняет — подставляет себя рядом.

— Сейчас, — говорит он мне, а потом уже громче, в сторону существа: — Ещё шаг — и ты пожалеешь.

— Ты человек, — шипит курьер. — Ты не имеешь...

Макс даже не моргает.

— Имею.

Он накрывает мою руку на рукояти. Не отнимает меч — направляет. И я вдруг понимаю: меч — это не железо. Это форма. Это мысль, которой дали вес.

— Алина, — почти шёпотом. — На счёт три. Ты.

Я сглатываю. Ладони мокрые. Внутри всё звенит.

Я не умею. Я не справлюсь. Я сейчас облажаюсь.

— Раз, — говорит Макс.

Света держит стену, как держат дверь в пожаре.

— Два.

Тварь собирается в рывок, хвост натягивается, как пружина.

— Три.

Я делаю шаг вперёд — и вместо «удара» просто вкладываю в движение одну единственную мысль: «стоп».

Меч в моей руке будто сам находит линию. Я взмахиваю. По клинку пробегает ветер и кончик клинка, верно, указывает траекторию по направлению к монстру. Тонкая паутинка электрического заряда проходится по пространству и «падает» на врага.

Курьер вздрагивает и откатывается назад, словно его дёрнули за невидимую цепь. Тёмная пелена на лице идёт рябью. Он рычит — уже не человеческим голосом.

И только сейчас до меня доходит, что я держу оружие правильно.

Потому что Макс всё ещё держит мою руку.

— Алина, да чтоб тебя... — шепчу я, и это почти смех, почти истерика. — Я же реально...

— Умеешь, — перебивает Макс тихо. — Просто не одна.

Света судорожно выдыхает — преграда ещё держится, но трещины на стекле расползаются всё шире.

— Дальше что?! — кричит она.

Макс смотрит на меня. В его взгляде нет паники — только расчёт.

— Дальше закрываем ему выход, — говорит он. — Алина, сможешь снова достать? Нужна вещь. Одна. Правильная.

— Какая? — шепчу я.

— Ловушка с позитронной ямой, — ухмыляется он.

Вот нашёл же время шутки шутить.

— Поиграем в «Охотников за привидениями»?

Что?.. Он это всерьёз? Ну, давай поиграем.

Я сама от себя прихожу в восторг, когда пальцы снова проваливаются в «карман» — и на этот раз я не даю мысли расползтись. Мне нужна ловушка. Прямоугольная коробка. Щёлкающая крышка. Красная кнопка. То, что закрывается и не отпускает.

Тяжесть падает в ладони, и я выдёргиваю из воздуха странное устройство — слишком реальное для киношной шутки. Металл холодит пальцы. На боку даже есть ручка.

— Офигеть... — выдыхает Света.

Я бросаю ловушку под ноги существу.

Чудовище — точнее, курьер с тёмной пеленой вместо лица — замирает и смотрит на меня с таким выражением, будто мы только что предложили ему заполнить заявление в двух экземплярах.

Да, знаю. К этой штуке ещё нужна плазменная пушка. Надо пересмотреть фильм — многое забылось.

Я уже открываю рот, чтобы спросить у Макса, что дальше, но не успеваю.

За нашими спинами мелькает высокая фигура. Воздух будто резко холодеет, словно в комнату открывают дверь с улицы зимой. Блеск ледяных глаз почти ослепляет.

Ансар.

Серебряный клинок-полумесяц вспыхивает перед нами — без замаха, без лишнего движения, как продолжение его руки. Света снова теряет челюсть; честное слово, ей надо выписать премию за выносливость психики.

Макс резко притягивает меня к себе и ставит за свою спину, не отпуская мою руку. Его пальцы сжимают мои крепче — не собственнически, а так, будто держат связь, которая не должна оборваться.

Мы настолько заморожены Ансаром, что ещё бы попкорн — и можно смотреть вечно.

Ансар не говорит ни слова.

Он просто идёт вперёд — как по отмеченной линии — и одним движением разрывает тёмную вуаль на курьере в ключья. Не режет плоть. Режет то, что «на нём».

Тьма осыпается, как горелая бумага.

Существо дёргается, срывается на хрип — и вдруг “проваливается” обратно в человеческие очертания, будто его отпустили.

Курьер моргает. Ещё раз. Глаза становятся растерянными, живыми — и совершенно не понимающими, где он и почему стоит посреди стекла, трещин и разбросанных офисных предметов.

Он качается, делает шаг — и падает на пол.

Тишина оглушает.

Только где-то в углу продолжает мерцать монитор, как ни в чём небывало, и ловушка у ног курьера выглядит теперь особенно нелепо — как деталь из чужого жанра.

Ансар переводит взгляд на меня.

— Реально? — он улыбается, и ямочки сразу выдают его отношение ко всей ситуации. Не страх. Не злость. Скорее... удовольствие от абсурда.

Я мнусь и выхожу из-за спины Макса. Ансар мельком кидает взгляд на наши всё ещё сцепленные руки. На секунду закусывает губу и отводит глаза, как ни в чём не бывало.

И только сейчас я ловлю себя на мысли, что мы с Максом слишком долго держимся вот так. Слишком привычно. Слишком... близко для «бывших».

— Тогда учись быстрее, Меридан, — бросает Ансар. — Видишь? Это не нападение. Это разведка. Следующий раз будет иначе.

Потом он смотрит на Светку — пристально, оценивающе. Света уже точно на грани нервного срыва, но, как всегда, держится на наглости.

— Чего смотришь? — вспыхивает она. — Может, поможешь девушке встать?

Ансар подходит и одним аккуратным движением подтягивает её вверх — так близко, что их сближение выглядит почти интимным. Света, конечно, не Света, если не превратит любую ситуацию в сцену.

— Вау! Как ты умеешь! Сколько жмёшь? — протягивает Света сладким голосом, будто не мы только что были на грани разрыва реальности.

А ничего, что мы тут вообще-то?

Смотритесь, как пара любовников из второсортного романа.

И меня вдруг царапает. Резко, неприятно. Он смотрит на мою подругу так, будто забыл, ради кого здесь оказался.

Укол ревности.

Ревности?..

Ансар, как назло, не отпускает рыжую. Держит чуть дольше, чем надо. И кидает на меня взгляд — быстрый, точный, слишком оценивающий. Как будто проверяет не её, а мою реакцию. И в ответ на моё замешательство уголок его губ медленно пополз вверх, складываясь в ту самую, всё объясняющую усмешку.

Он... что, дразнит?

— Так, мальчики и девочки. Я чувствую, что сегодня нам нужен отгул, — заявляет Света, прекрасно устроившись в мужских объятиях, как на диване в переговорке.

Ансар улыбается ей в ответ — беззвучно, одним взглядом, словно они успели сговориться.

И тут к нам подходит Наташа — с новой кипой папок. Наверное. Я уже не уверена ни в чём.

Она резко тормозит, быстро оценивает картину: разруха на полу, бормочущий себе под нос курьер, Светка в позе «я тут вообще ни при чём», я рядом с Максом и... посторонний красивый мужчина, который явно не из бухгалтерии.

— О, Наташенька, — Света отлипает от Ансара и начинает поправлять пиджак с видом человека, который только что вышел из совещания, а не из паранормальной драки. — Вызови скорую. Тут человеку стало плохо. И надо разузнать с какой курьерской он службы, что бы уведомить о отсутствии сотрудника.

Ансар подходит к курьеру, подхватывает его под локоть и с удивительной деловитостью усаживает на стул, как будто он просто переутомился на доставках.

— Я, Алина Сергеевна и Максим Дмитриевич должны уехать. Нас не будет. — продолжает Света.

Наташа замирает в молчаливом оцепенении. Папки в её руках выглядят как щит от реальности.

— Хорошо, Светлана Игоревна, — выдавливает она автоматически.

Её любопытный взгляд скользит по Ансару. Видимо, мозг выбирает самый безобидный вариант объяснения: ухажёр нашей рыжухи.

Светловолосый мужчина одаривает Наташу коротким вниманием — холодным, мгновенным, как отметка «увидел» — и тут же снова «вцепляется» взглядом в меня, будто проверяет: не передумала ли я сбежать.

— Я сейчас, Светлана Игоревна, только букет заберу, — бросаю я с показной небрежностью.

Подруга тут же с интересом впивается глазами в красивый пышный букет. Я демонстративно наклоняюсь и вдыхаю аромат — медленно, нарочито, на публику.

Макс расплывается в блаженной улыбке, такой тёплой, такой узнаваемой, что на секунду у меня внутри всё становится... нормальным.

А Ансар — напротив — напрягается. Почти незаметно. Но я вижу: челюсть чуть жёстче, взгляд темнее, воздух вокруг него словно собирается в более плотный слой.

Попал.

Я поднимаю на него глаза поверх цветов — и позволяю себе крошечную победу.

Один — один, Ансар.

Он смотрит на букет. Потом на Макса. Потом — снова на меня.

И уголок его губ снова ползёт вверх.

Только теперь это не насмешка.

Это предупреждение. Почти ласковое.

— Не играй, Меридан, — произносит он тихо, так, чтобы услышала только я. — Ты пока не понимаешь правил.

Я стискиваю стебли сильнее, чем нужно.

— А ты, значит, понимаешь? — шепчу в ответ.

Он наклоняется едва заметно ближе — не нарушая дистанцию, но заставляя меня почувствовать её.

— Я понимаю последствия, — говорит он.

Света хлопает в ладоши, как режиссёр, который решил, что сцена закончена.

— Всё! Расходимся! Наташ, умничка. Курьера — в скорую. Остальным — работать. А мы... — она делает паузу, сияя. — Мы в отпуск на один день по состоянию «вселенной».

Наташа кивает, как робот, и уже разворачивается, но её взгляд ещё раз цепляется за разбросанные вещи на полу: дырокол, табличка «СОБЛЮДАЙТЕ ТИШИНУ», и где-то в стороне подозрительно валяется огромный степлер.

— А... это... — начинает она.

— Ремонт, — мгновенно отвечает Света. — Плановый.

Наташа моргает.

— Поняла.

Мы двигаемся к выходу. Макс не отпускает мою руку — и я вдруг не хочу, чтобы отпустил. Ансар идёт рядом, чуть позади, как тень, которая выбрала нас сопровождать.

— Ты видела, как он на тебя посмотрел? Там же прям... драка без рук, — шепчет Света.

— Свет, — прошу я сквозь зубы.

Ансар слышит. Конечно, слышит.

Мы вышли на улицу, и холодный воздух обжёг лёгкие. Дверь офиса закрылась за нами с тихим щелчком, словно перечеркнув что-то важное. Что именно — я ещё не могла осознать, но с этой секунды всё изменилось. Впереди были они — двое мужчин, тёплая ладонь в моей руке и холодный взгляд за спиной, а вокруг — новая реальность с её незнакомыми и жёсткими правилами.

Глава 5

Встречу назначили у Светы дома: так ей удобнее «вести дела» и оставаться с нами на связи.

— Что? Я теперь тоже из вашей ненормальной тусовки? — выдаёт рыжая, когда Ансар замечает у неё на затылке тот же знак, что и у меня.

Я даже не заметила, как к нам успели нагрянуть Кирилл и Алекс. Они вообще по отдельности передвигаются? Оба тут же берутся опекать Свету, которая в красках описывает стычку с ришаном, вселившимся в человека: то водичку принесут, то полотенце, то обед — всё подано, всё рядом.

Я усмехаюсь: она сейчас больше похожа на королеву, чем я.

— В минувшую эпоху у твоего Щита, Меридан, были две астральные гончие, — раздаётся спокойный голос Ансара. — Не духи и не рабы. Существа из самой грани миров, давшие добровольную клятву. Похоже, эхо той клятвы... нашло своих носителей и в этом мире. — Он кивает в сторону Кирилла и Алекса.

Воцаряется тишина. Света смотрит то на Ансара, то на парней, с осторожностью принимая эту информацию. Взгляды друзей пересекаются.

— Мы типа... реинкарнация собак? — Алекс первым решает разрядить обстановку. — Прикинь, Кир, нас псами назвали. Я в ауте.

Его брови взлетают, глаза расширяются, и на пару секунд его лицо застывает в нелепой каменной маске.

— Астральными гончими, Алекс. Тебе бы словарь для начала. Это предполагает определённый статус, — не отрывая аналитического взгляда от Ансара, Кирилл поправляет очки.

— Ну, звездац, — Света пытается прийти в себя от «собачек» в своём арсенале.

— Я лично — стаффорд, — видимо, игра Алексу понравилась, и он вошёл в кураж, представляя, каким псом мог бы быть. Его взгляд закатывается к потолку, отчего он кажется ещё мечтательнее, но в реальность его возвращает друг.

— Судя по твоей любви к разрушению и громким выходкам, ты был скорее неутомимым джек-расселом, — сухо парирует Кирилл. — Маленький, громкий и совершенно бесстрашный.

— Джек-рассел? Это хоть породисто! — сразу оживляется Алекс. — А ты тогда лабрадор. Всегда услужливый, заботливый.

— Почему это я лабрадор? — брови Кирилла ползут вверх.

Тут Света не выдерживает и начинает хохотать на всю просторную гостиную.

— Только тапки мои не грызите!

Кирилл и Алекс обмениваются улыбками, и обстановка наконец смягчается.

— Если так подумать, то и первое знакомство наше было с ноткой кофейного апокалипсиса, — задумчиво говорит Света.

Эту историю она рассказывала мне давно, но, как сейчас вспомню, меня снова разбирает смех, хотя ребятам тогда пришлось пройти боевое крещение нервной системы.

Ансар замечает фотографию, на которой красуется троица измазанная в кофейной гушей.

— Этот снимок сделан в тот день? — спрашивает он, изучая карточку.

— Да, — кивает Света. — Помните? — она переводит взгляд на парней.

— Ещё бы! — оживляется Алекс. — Тогда Кир открывал кофейню и пригласил этого... — он хмурит лоб, вспоминая. — Дарио Моретти! — он чуть не подпрыгивает на диване от собственной догадливости.

— Ещё полгорода блогеров, — добавляет Света. — Я пришла по рабочему вопросу. Искала нового амбассадора и, при виде Кирилла, сразу поняла — надо брать в оборот.

Кирилл медленно переводит на неё заинтересованный взгляд.

— Ах, вот почему ты со мной общаешься, рыжая! — в его голосе звучит не обида, а уважительная усмешка.

— Твоя стратегия продвижения нового места меня зацепила, — деловито отвечает Света. — Тебе удалось собрать в одной точке почти всех, кто что-то значит. Конечно, ты меня заинтересовал.

— А я? — вскидывается Алекс. — Я вообще-то вёл крышесносную трансляцию всего мероприятия! — он гордо бьёт себя в грудь, явно считая себя героем дня.

— У вас там, вроде как, неполадки какие-то с кофе-машиной случились? — присоединяется к воспоминаниям Макс.

— Неполадки? — Света фыркает, её глаза загораются азартом рассказчицы. — Там такой треш произошёл! Дарио Моретти начал презентацию. Нажимает кнопку на этой новаторской машине... Раздаётся гул, как у реактивного двигателя. И тут... что-то щёлкает внутри с таким надрывным звуком.

Из носика, который должен был источать тонкую струйку, **ВЫРЫВАЕТСЯ КУЛАК** толщиной в огнетушитель. Густой, тёмной, холодной жижи! — Света взмывает руки вверх, изображая фонтан. — Первый удар — в потолок! Люстра зазвенела! Второй — по самому Моретти! Секунда — и его белый китель стал похож на декорацию для «Мойдодыра»!

— У Дарио Моретти челюсть на пол чуть не упала! — заливается смехом Алекс.

Кирилл нервно выдыхает, потирая переносицу. Видимо, ему до сих пор психологически больно даже мысленно возвращаться в тот день.

— А ту блогершу помнишь, в розовом? — продолжает Света. — Мне её до сих пор жаль. Она вся окрасилась.

— Да, ты тогда Кир всех «пометил» — Алекс уже еле сдерживает смех.

Кирилл снова трёт переносицу, но в уголках его губ дрогнула улыбка.

— Но я, оценив обстановку, не побежала к машине. Я пошла к источнику, — говорит Света, и в её голосе появляются стальные нотки. — Схватила огромный медный таз для зёрен и со всей дури — БА-ДАММС! — накрыла им бьющую струю прямо у основания! Грохот был такой, что все вздрогнули. Фонтан барабанил по меди, как сумасшедший!

— Потом Кир рубанул рубильник, и всё закончилось, — выдыхает Алекс. — Но эти кадры я успел снять! Благодаря видео кофейня так и прославилась! Ролик завирусился! — гордость и причастность звенят в голосе блондина.

— Дарио Моретти... оценил Свету, — тихо, с неожиданной нежностью, говорит Кирилл. — Он сказал прямо в камеру Алекса: «Вам только что показали высшую форму искусства! Не контроль над машиной. Контроль над... катастрофой!»

— А потом Кирилл подошёл ко мне, — Света улыбается, глядя на него. — Весь бледный, в кофейных брызгах, и выдал: «Вы... оперативно локализовали убытки в геометрической прогрессии. Эффективность... шокирующая».

— Вечер был отпад! — Алекс встаёт и протягивает ладонь для «пять».

Кирилл и Света, улыбаясь, отвечают ему взаимностью. В этом жесте — что-то большее, чем просто радость: молчаливое признание — «Мы свои».

В тот день каждый получил своё. Алекс — хайп и тонны подписчиков. Кирилл — легендарную историю для бренда. Света — выгодные контакты и новых клиентов.

Но главное, что они нашли тогда в этом кофейном бардаке, было не в статистике и не в контрактах.

Они нашли друг друга. Мозг, который всё просчитывает. Энергию, которая всех заряжает. И того, кто находит, во что ударить, чтобы остановить хаос.

Так, в грязи, в кофе и в полном абсурде, и собирается команда. На века.

* * *

Телефон Макса разрывается. Улавливаю обрывки — в трубку уже почти режут. Макс заметно напрягается, когда голос на том конце всхлипывает от бессилия.

— Макс, тебе надо поговорить с ней, — говорю я, и отчего-то становится жаль девушку, которая, кажется, успела нафантазировать, что они с Максом поженятся, состарятся и умрут в один день.

На лице бывшего — явное недовольство, но он понимает: Наташа может быть импульсивной и не самой аккуратной в эмоциях. Он не поведётся на манипуляцию, но снизить накал простым человеческим разговором — да, сможет.

Мы прощаемся. Макс обещает вернуться как можно быстрее.

Я потираю переносицу и выхожу на балкон — хоть как-то заземлиться, выкрасть паузу в этих стремительных событиях.

С высоты город кажется крохотным и уязвимым. Я всматриваюсь в жизнь, которая течёт своим ходом: дела, покупки, семья, работа. Все они внизу — не обременённые магическими обязанностями.

Я закрываю глаза, подставляю лицо прохладному ветру. Медленно выдыхаю. Открываю глаза — и замечаю, что на меня смотрит светловолосый мужчина.

Ансар опёрся локтем о ограду и с интересом наблюдает за моим «диалогом с природой».

— Помогло? — интересуется он с таким видом, будто пишет научную диссертацию по борьбе со стрессом.

— Что это было сегодня? — спрашиваю я, не поддерживая его тон.

— Ришан проник в человека и вышел на твой след... — отвечает он. И добавляет, чуть мелодичнее, подчёркивая, что помнит про букет: — По следам алых роз.

— Вот так легко и просто? Тогда зачем я им?

— Это единичные попытки прорваться в мир, — говорит Ансар спокойно. — Другое дело — твоя сила. Заполучат тебя, и прорвут ткань. Устроят свой геноцид.

Видимо, дышать мне придётся чаще. Совсем не радует мысль, что мои сталкеры — безобразные чудовища.

Я судорожно ищу, куда увести разговор, и цепляюсь за первое, что приходит в голову.

— Кстати... Света свободна, — как бы невзначай бросаю я Ансару.

Он усмехается и медленно поднимает на меня взгляд. Такое ощущение, будто он меня только что раздел — спокойно, без суеты, одним движением глаз. Серо-голубые радужки становятся моим сердечным двигателем: ритм тут же набирает обороты.

— И к чему мне эта информация? — спрашивает он, продолжая буравить меня взглядом. — У нас очная ставка?

— Да так. Не бери в голову... — пытаюсь отшутиться я.

— И не буду.

— Вот и хорошо, — машинально вырывается у меня.

Мой язык — мой враг.

— Что хорошо? — тут же подлавливает он.

— Ну... хорошо, что не берёшь в голову... — я слышу себя, и каждое слово догоняет мозг уже после того, как вылетело.

— Кого не беру? — Ансар делает шаг и оказывается вплотную, как хищник, который не нападает — просто демонстрирует, что может.

Я нервно сглатываю.

— С-свету...

Его рука ложится мне на плечо и медленно скользит вниз, вдоль руки. Там, где он касается, под кожей проходит дрожь — тёплая, предательская. Ансар находит мои пальцы и переплетает их со своими.

Его взгляд спускается и замирает на месте нашего контакта.

Он играет со мной.

Ансар аккуратно приподнимает мою руку и целует ладонь — спокойно, почти церемонно. И делает это, не разрывая зрительного контакта ни на секунду.

В груди у меня полыхает. Я уже молчу про низ живота, где будто случился маленький взрыв.

— Что вы делаете с Королевой? — выдыхаю я, цепляясь за статус как за спасательный круг.

— Восхищаюсь, — отвечает он просто.

И снова — короткие, нежные поцелуи, один за другим, как будто он проверяет, сколько ещё выдержит моя голова, прежде чем треснет по швам.

— Ансар... это очень...

— Интимно? — подхватывает он.

Он тянет мою руку к своей щеке и прижимает — давая мне почувствовать бархат его кожи. Жест выглядит почти как приручение: не грубое, не властное — уверенное. Будто он не сомневается, что я останусь.

— Вы с Максом?.. — продолжает он.

— В смысле? — вопрос вгоняет меня в краску.

— Вместе? — Ансар мастер коротких фраз, которые бьют точно в цель.

Я замираю, осознавая, что он спросил — и что мне придётся ответить.

— Нет. Мы расстались, — я выдёргиваю руку и отворачиваюсь. Надо сделать вид, что вид города интересует меня сильнее, чем обсуждение моей личной жизни.

И тут, глядя на огни города, я не вижу их. Я вижу другое. Дождь. И нас — двадцатилетних, только-только начавших встречаться, под одним клеёнчатым зонтом, который Макс в спешке выхватил из корзины в подъезде.

— Держи выше! — кричу я, потому что струя с козырька течёт мне прямо за шиворот. Я подпрыгиваю, ощущая, как ледяные капли бегут по позвоночнику.

— Выше некуда! — он хрипит от смеха, сам промокнувший до нитки с одной стороны. — Ладно, давай договор: ты отвечаешь за направление, а я — за высоту.

И мы идём. Вернее, плывём. И я смеюсь, хотя мокрые кроссовки хлюпают мерзко. Потому что с ним даже эта дурацкая ситуация — не проблема, а приключение. Потому что он склоняет надо мной большую часть зонта, не задумываясь. Не как рыцарь — как само собой разумеющееся. «Мы же одна команда», — говорил он потом, когда я пыталась благодарить. И в этих словах не было пафоса. Была простая, незыблемая правда, на которой держался весь мой взрослый мир.

И теперь этот мир треснул.

Воспоминание обжигает. Оно — как тот зонт: укрывало от всего, пока не сломалось.

— Хорошо, — довольно подытоживает он, и его голос, как лезвие, разрезает плёнку воспоминания.

— Что «хорошо»? — теперь вопросами атакую я, с трудом возвращаясь в холодный вечер и в пристальный взгляд этого чужака. Хмурюсь и простреливаю его взглядом.

— Всё хорошо, Меридан Ашар, — он по-мальчишески расплывается в своей фирменной улыбке.

Ямочки на щеках — как гарантия того, что ему нравится услышанное.

Мне отчего-то хочется хлопнуть его по макушке, чтобы не был таким счастливым, но я не успеваю.

Ансар, как пелена, обхватывает меня за талию — и одним стремительным движением сокращает расстояние. Наши лица висят в сантиметре друг от друга. Он смотрит на меня с интересом: на глаза, на губы — словно ждёт разрешения.

Меня будто укусили. То ли кричать о помощи, то ли поддаться этому яду.

И как только я допускаю мысль о поцелуе, Ансар накрывает мои губы своими.

Жаром обдаёт с головы до пят. Вот это напор. Он целует так, будто ждал этого момента тысячу лет.

А может... действительно ждал?

— Меридан... — выдыхает он прямо мне в губы, и в голосе появляется такая глубина, что у меня подкашиваются колени.

И снова приникает ко мне — будто всё, что было до этого, могло оказаться иллюзией, и ему нужно удостовериться: я настоящая.

Голова в тумане. Я улетаю. Эти поцелуи — как обрывки памяти: родные, тёплые, необходимые. Ансар легонько гладит мою спину, ведёт ладонью до талии, будто смакует каждый миг.

Как же... приятно. Я кожей чувствую: я ему нужна.

— Погоди... Это как-то неправильно, — я всё-таки отстраняюсь.

Его глаза заволокло мягкой негой — словно и он «провалился» так же глубоко, как я.

— Прости. Я не сдержался, — он делает шаг назад, давая мне больше воздуха.

— Это было очень... красиво, — я подбираю слова осторожно, чтобы не ранить его. — Но к такому быстрому развитию событий я не готова.

Красиво, страстно, пугающе... и так знакомо, будто губы его помнили мои лучше, чем я сама. Именно это и было самым жутким.

Стараюсь смотреть на Ансара мягко, чтобы он понял: моё отступление — не отказ. Это попытка разобраться в том, что со мной происходит.

— Я ждал так долго, — тихо говорит он. — Подожду ещё.

Мужчина протягивает руку и проводит пальцами по моей щеке — бережно, словно запоминая моё тепло. Будто оно слишком дорого ему, чтобы торопить меня и ломать этот момент нетерпением.

Он уходит — словно рассеялся туман, — и я снова одна на балконе. Дышать приходится усиленно: сердце всё ещё не слушается. Но проходит немного времени, и я решаю, что пора возвращаться в реальность.

Когда я вернулась в гостиную, сердце всё ещё колотилось где-то в горле. Картина, впрочем, успокаивала: Макс уже сидел в кресле, Света, накормленная и укутанная в плед, что-то бурчала. Кирилл нарезал пищу, а Алекс помешивал на плите что-то дымящееся. Казалось, я вышла на пять минут, а здесь успела смениться эпоха.

Меня так долго не было?

Кирилл успел взяться за пищу, Алекс доваривал глинтвейн. Для «горячего разговора», как выяснилось, действительно нужны еда и напитки.

Мне нужно было говорить. О чём угодно, только не о том, что только что произошло на балконе. Я уселась напротив Ансара, стараясь не встречаться с ним взглядом.

— Тогда объясни мне, — начинаю я, — Почему ришаны не пришли за мной раньше?

— Дело в Максе, — отвечает Ансар. — Он твоя сдерживающая печать. Не давал проявить силу. Твоя сила — это эмоциональный импульс. Макс был непроизвольным глушителем, гасящим любые твои сильные всплески. Без него импульсы вырвались наружу и стали приманкой. Теперь я понимаю, почему после вашего расставания твои силы дали о себе знать. Некому было сдерживать.

Макс переводит взгляд то на меня, то на Ансара. И я кожей чую, как в нём всё каменеет после фразы «после вашего расставания».

— Погоди. Но мы три года были вместе. До этого почему силы не проявились? — стараюсь не акцентировать внимание на изменчивое настроение брюнета.

— А до отношений вы общались? — уточняет Ансар.

— Да-а-а... — протяжно отвечаю я.

И понимаю: в голове нет ни одного периода, где бы не фигурировал Макс.

— Мы с детства знаем друг друга, — добавляю я, и взгляд невольно падает на бывшего.

Этот разговор возвращает меня в наше прошлое — и всплывают только самые добрые, самые смешные воспоминания.

— Так, погодите...раз я щит — рыжая наконец включается в диалог. — Тогда все вот эти хрени, — она машет пальцем вокруг, — поэтому летят не в Алину, а в меня?

— Щит отражает и работает как магнит. Всё, что может навредить Алине, «достаётся» тебе, — подытоживает Ансар.

— Ну спасибо, подруга! — Светка оседает на подлокотник дивана.

В этот момент Алекс протягивает ей глинтвейн.

Рыжая берёт бокал и с жалостью говорит:

— А есть что покрепче? Я, возможно, завтра подохну, — и смотрит на меня с осуждением.

— Что? — я непонимающе перехватываю её взгляд.

— Ничего... вспомнила твои орудия атаки, — Светик делает глоток.

— Научу работать с пространством, — обнадёживающее выдаёт Ансар.

— Мы прекрасно с Алиной справились. Вдвоём, — на последнем слове Макс звучит так, будто метит территорию.

Рядом с подругой присаживаются Кирилл и Алекс — уже вовсю хрустят пищей и явно ждут продолжения, как зрители в первом ряду. Но теперь я вижу в их движениях не просто дружескую привычку, а ту самую, только что озвученную мистику. Алекс, не отрываясь от перепалки между Ансаром и Максом, подаёт Кириллу бокал с глинтвейном ровно в тот момент, когда тот тянется за ним. Кирилл, в свою очередь, отодвигает вазу со стола, которая закрывала Свете обзор на меня. Они даже не смотрят друг на друга. Они просто убирают препятствия и подставляют то, что нужно. Как отлаженный механизм. Как... гончие, охраняющие покой своей госпожи.

Блин. Ну вот почему у Светки ухажеры — как ухажеры? Не стреляются на дуэли, не меряются взглядами... а мои из-за каждого слова готовы сорваться с места.

Упс. Я что, упомянула «мои мужчины»? Мои?..

— Может, в «Алиас» сыграем? — как ножницами, разрезает напряжение Алекс.

— «Алиас»? — Кирилл смотрит на него так, будто впервые обнаружил в друге азарт к насточкам.

— Ну да. Когда мы так ещё соберёмся?

Меня накрывает абсурдная, спасительная комичность происходящего — и я срываюсь на смех. Секунда-другая, и все подхватывают. Мы смеёмся радостно, истерично, безудержно — так, как смеются только тогда, когда смех становится единственным лекарством от ужаса. Как будто этим хохотом можно на минуту отодвинуть в сторону весь этот кошмар.

Макс, сославшись на свой статус моего якоря, вызвался проводить меня до дома. Ансар попытался этому воспротивиться, но ему пришлось скрыть своё недовольство за маской равнодушия — тем более что Кирилл с Алексом тут же буквально атаковали его вопросами о гончих. Так Макс своего добился: чем дольше он оставался рядом, тем стабильнее была моя сила.

По дороге он, словно чувствуя неловкость, сам заговорил о встрече с Наташей — я не спрашивала. Судя по его рассказу, её планы на него были грандиозны, но он чётко дал понять, что его выбор уже сделан. Однажды он ошибся — и теперь хочет всё исправить.

У моей двери Макс задержался, словно собираясь с силами.

— Хочу, чтобы у нас было будущее, Алина, — осторожно произносит он.

— Макс... я не... — мотаю головой, отгоняя радужные ванильные картинки о нашем воссоединении. — Я не хочу и не могу снова возвращаться в те эмоции, в те чувства. Ты бросил меня — и это было жестоко. Больно...

Говорю — и меня подкидывает изнутри: эмоции становятся почти осязаемыми, к глазам подступают слёзы.

— Алина, — Макс считывает это мгновенно и бережно, без нажима, обхватывает моё лицо ладонями. За три года он собрал все ключи к моему сердцу и теперь будто кожей чувствует любое колебание. — Ради всего святого, прости. Дурак... дурак я. Лепил из тебя кого-то — и это было неправильно. Сам боялся, что рядом с тобой, настоящей, стану потерянным для себя. Боялся, что станет больно.

— Поэтому решил подарить эту боль мне? — спрашиваю я, и по щеке скатывается предательская слеза. Словно от её солёного вкуса в памяти вспыхивает то самое, огненное воспоминание.

Не его слова «давай расстанемся», а момент до. Тот вечер, когда я надела то самое красное платье. Макс смотрел на меня сияющими глазами, но в них читалась не гордость за меня — а гордость за себя, сумевшего «такую заполучить». Платье было его идеей — но шепнул её, как всегда, Никита. «Подари ей что-то дерзкое, покажи нашим, — передал он мне тогда слова друга. — Пусть видят, что ты не с серой мышкой».

Я надела это «дерзкое». Сыграла по правилам своего парня. Чувствовала себя чужой для себя — дорогой аксессуар на его руке. Его новые друзья - окружение Никиты оценивающе щупали меня взглядами, а Макс, ловя их одобрительные кивки, расправлял плечи. Он в тот вечер был счастлив — но счастлив от того, что вписывается в их картинку. А я была частью этой картинки. Не человеком. Деталью.

Потом была тихая ссора. Он говорил о том, что надо меняться, о том, что «хочет большего». Его слова были чужими — как будто он повторял урок, который выучил, глядя на Никиту и его блестящую, веселую жизнь. Я тогда просто плакала от обиды. А теперь, оглядываясь назад, ловлю себя на жуткой мысли: а что если наше расставание было не просто ошибкой? Что если оно было... нужно? Нужно кому-то другому? Ведь моя сила проснулась именно после — как будто кто-то специально убрал плотину, сдерживающую поток.

Когда воспоминание отпускает, я замечаю, что плачу по-настоящему. От той обиды, что тогда, и от жути, что сейчас.

— Алина, — Макс улавливает это мгновенно и просто — мягко — обнимает меня.

— Дай нам шанс. Прошу, — это единственное, что я слышу, потому что последнее слово выходит у него сиплым, словно к горлу подступил непроходимый ком.

С Максом так тепло. Так хорошо.

А внутри всё равно стягивается узлом неприятное чувство. Я начинаю ненавидеть себя: поцелуй с одним — объятия с другим. И всё это... так мне необходимо.

Но тут телефон Макса разрушает нашу мирную идиллию.

Он неохотно отстраняется, достаёт телефон и отвечает, стараясь звучать нормально:

— Привет. Слушай, прости... я должен был заехать, но у нас тут... — Макс обрывает себя на полуслове.

Он бросает на меня быстрый взгляд. Я молча поднимаю брови: «не надо». Макс сглатывает и меняет тон, будто ничего не сказал.

— Короче, не получилось. Ты как?

На другом конце слышится хриплый голос. Перед ответом Никита пару раз откашливается — сухо, тяжело, как будто этим кашлем он пытается вытащить из себя воздух.

— О, «ты как»... — почти шепчет он. — Люблю такие вопросы. Особенно перед смертью.

Он пытается шутить. Даже я слышу в трубке короткий *пшик*. Потом ещё один. Ингалятор.

Макс мгновенно напрягается.

— Никит... опять приступ? — голос у него становится резче. — Ты где? Давай я приеду. Скорую вызови.

— Да брось, — Никита говорит чуть бодрее, но эта бодрость какая-то бумажная. — Не драматизируй. Я ещё тебе нервы не до конца испортил.

— Ага, смешно. Только дышишь ты как дед после спринта. — отрезает Макс.

Никита делает паузу. На секунду в трубке слышно только его дыхание — неровное, с хрипом.

— Ладно. Я вообще-то по делу, — наконец произносит он тише. — Как вы там... с Алиной? Помирились?

Макс замялся. Смущённо посмотрел на меня и быстро затараторил.

— Всё в порядке, — речь была быстрой, его взгляд на миг стал непроницаемым. — Она передаёт привет.

Его глаза в этот момент смотрели на меня — тепло и нежно. И от этого “в порядке” внутри почему-то стало ещё теснее.

Никита на том конце что-то пробубнил — то ли «привет принят», то ли очередную язвительность, — снова послышался короткий *пшик*, и Макс окончательно посерел лицом.

— Всё, давай. Не геройствуй, — сказал он уже другим тоном, куда тише. — Я на связи. Если что — сразу звони.

Он сбросил вызов и несколько секунд просто смотрел в погасший экран, будто надеялся, что тот объяснит ему, что происходит.

— Ему плохо? — тихо спросила я.

— Да, — Макс провёл ладонью по лицу. — Но он, как обычно, делает вид, что “всё нормально”.

На секунду мы снова оказались слишком близко — не телом, а этим общим напряжением, которое некуда девать.

— Я... поеду, ладно? — сказал он наконец, будто оправдываясь. — Мне надо проверить.

Киваю, хотя внутри всё протестовало сразу против всего: против звонка, против этой ночи, против того, как легко мир снова трещит по швам.

Макс наклоняется, коротко касается губами моего виска — почти невесомо, как обещание, — и уходит. А я ещё минуту стою в тишине, слушая, как в подъезде хлопает дверь.

Тяжесть дня смываю под обжигающими струями душа. Надеваю любимую пижаму и забираюсь под тяжёлое одеяло.

Ансар, Макс... мысли крутятся вокруг обоих и так путают, что я теряю ориентиры.

С нервным ворчанием выдыхаю. Спать надо. Завтра выходной, а я решила на ночь глядя разобрать сердечные дела. Нет уж. Сон вы у меня не отнимете.

Устраиваюсь поудобнее: закидываю ногу на «холм» из одеяла, прячу руку под подушку и закрываю глаза, ожидая привычного погружения в пустоту усталости. Но вместо этого меня сразу же тянет вниз, в густую, тёплую темноту, которая пахла не моей комнатой, а влажной землёй, озоном и... чем-то давно забытым. Этот сон звал меня. И у меня не было выбора, кроме как ответить.

Глава 6

— Наконец-то ты пришла, — звучит уже знакомый голос.

Да ладно. Ты шутишь?

Посреди просторной квартиры-лофта стоит Ансар. Вокруг — атрибуты для тренировок: палки, клинки, кнуты. Панорамные окна должны бы открывать вид на город — ну хотя бы на урбанистический пейзаж, — но за стеклом лишь пелена, густая, непроходимая. Впрочем, комната всё равно утопает в тёплом, мягком свете.

— Во снах можно услышать даже чужие мысли, — говорит он таким тоном, будто не делится фактом, а ставит предупреждающий знак: здесь есть границы, и их легко переступить.

— Как ты здесь оказался? — я машинально сжимаю подушку, которая почему-то пришла со мной в этот сон.

— Пришел в гости, — ухмыляется Ансар и медленно проворачивает перстень на пальце.

— Это вообще-то вторжение, — отвожу взгляд.

Судя по всему, он не то, что не сожалеет — он доволен.

— Меридан Ашар. Я не люблю тратить время. В сновидениях нужно уметь выживать.

— Мне бы для начала с реальностью разобраться, — закатываю глаза, вспоминая стычку с курьером, в которого вселился ришан.

— Ты хорошо справилась. Для первого раза.

Ансар отвлекается на разложенное оружие. Пальцы лениво перебирают клинки — будто он выбирает не «что взять», а «что именно мне подойдёт».

— Что ты задумал? — я сжимаю подушку крепче и тянусь взглядом к его рукам.

Не успеваю сфокусироваться, как в меня летит что-то острое.

Чёрт.

Он... он правда собирается меня убить?

Инстинкт срывает ранние мысли: я шарахаюсь в сторону и едва не падаю.

— Это что, у тебя такой способ проявлять симпатию? Метод „добиться расположения через покушение на жизнь“?! — вырывается у меня. Пусть это и сон, но восторга от действий парня я не испытываю. Подушка выскальзывает из рук.

Ансар возвышается надо мной — как скала. Я вдруг чувствую себя маленькой, беспомощной, выставленной на ладонь перед хищником. В его взгляде нет ни грамма нежности. Только расчёт. Он подкидывает клинок, словно играючи, и ловит за рукоять.

Это что, разминка?

Рывок — и он снова атакует. Без предупреждения. Уже всерьёз.

Я перекатываюсь по полу, пытаюсь уйти от линии удара. Чувствую себя загнанной мышью, которую вот-вот проглотит огромный жестокий кот.

— Ансар... что ты творишь? — секунда передышки — и я успеваю только выдохнуть вопрос.

В ответ в мою сторону летят сразу два клинка. В каждом его движении чувствую гнев и злость.

— Да ты больной!

Я мечусь по просторной комнате, прячусь за столбами. Дыхание сбивается.

Неужели во сне можно устать?

Тишина. Я осторожно выглядываю из-за укрытия, пытаюсь вычислить, где этот псих.

Меня хватает сзади — резко — и валит на пол. Тяжесть его тела придавливает меня так, что воздух выбивает из лёгких. Он усаживается сверху. Его рука, словно перекладина, легла поперёк моей груди: локтём он вдавил одно моё плечо в пол, ладонью пригвоздил другое. Вторая — с клинком — у самой шеи.

Прядь белых волос падает ему на лоб. А глаза... Они остаются пронзительно чистыми и манящими — в них хочется смотреть без конца, забыться, утонуть.

Вот и всё. Я повержена.

Пробую дёрнуться — он нажимает чуть сильнее. Не до боли. Ровно настолько, чтобы я поняла: я в его власти.

— И что теперь? — шепчу я.

— Ничего, — спокойно отвечает он. — Меня всё устраивает.

Ну да. Добей меня ещё — своими до безобразия привлекательными ямочками.

— Думай, моя Королева, — произносит Ансар, и в голосе такой подтекст, будто это только первая ступень. — Как будешь спасать себя в этой ситуации?

Ну нет. Больше я по твоим правилам играть не стану.

Гнев поднимается горячей волной, и вместе с ним — упрямство. Я упираюсь ладонями в пол и представляю чистую бирюзовую гладь воды. Это же сон? Значит, законы реального мира здесь не обязаны работать.

Под пальцами — прохлада. Влага.

Пол вдруг теряет твёрдость, и мы проваливаемся вниз, как в зыбучий песок — только вместо песка нас принимает вода. Я отталкиваюсь от Ансара, вырываюсь из-под его веса... и тут же понимаю, что сделала глупость.

Тело тянет вниз.

Да, Алина, умница. А теперь что? Ты идёшь ко дну, как камень.

Я гребу вверх, как умею, но движение выходит рваным и беспомощным. Что-то будто цепляется за ноги, тянет глубже. Из рта срываются пузыри — драгоценный кислород улетает в темноту.

Паника сминает мысль: «это сон». Я забываю правила. Забываю, что могу их менять. В голове только одно: воздуха не хватает.

Ансар считывает это мгновенно.

Вода вокруг него будто слушается: он раздвигает её руками, как плотную ткань, и подплывает ближе. До поверхности — далеко. А я уже не понимаю, где она.

Он что-то кричит — я вижу, как двигаются его губы, как сужаются глаза. Наверное, говорит, что это сон. Что нужно успокоиться. Но слова тонут где-то, между нами, и моё сознание не пропускает ни один вариант спасения.

Ансар хватается за подбородок, разворачивает лицом к себе — резко, но аккуратно, удерживая так, чтобы я не дёрнулась ещё сильнее. Его ладонь холодит кожу.

И вдруг он притягивает меня ближе.

Я успеваю только широко распахнуть глаза — и он прижимается губами к моим.

На секунду всё внутри взрывается возмущением... а потом приходит ощущение воздуха.

Тёплый толчок, чужой выдох, который становится моим. Будто кто-то силой проталкивает жизнь обратно в грудь. Я судорожно втягиваю — и паника отступает на шаг.

Ансар отстраняется ровно настолько, чтобы я видела его лицо.

Поцелуи с ним становятся традицией?

Не считая того, что сейчас это был не жест, а способ не дать мне окончательно сорваться в хаос.

Мы выныриваем. Я жадно хватаю воздух ртом. Комната теперь больше похожа на бассейн: вода колыхнется, отражая тёплый свет, а лофт будто растворился в влажной дымке.

— Воду любишь? — Ансар не даёт мне толком надышаться и тут же бросает вопрос.

Я перевожу на него злой взгляд, мысленно отправляя все проклятия разом.

— И не надо на меня смотреть так, — он проводит ладонью по светлым волосам, смахивая воду.

— Ты в меня ножи метал! — голос срывается. — Я смотрю на тебя как на человека, который чуть не пытался меня убить!

— И спасти, — спокойно подмечает он, будто ставит галочку в списке. — Ты конспектируешь каждый мой шаг?

Щёки предательски заливают румянец. Поцелуй был коротким и “служебным”, но всё равно цепляется за память — за тот, нежный и странно-удивительный, на балконе у Светы.

Я не успеваю ответить.

Ансар поднимается над водой, встаёт у бортика и протягивает руку.

— Я сама, — отрезаю я и выбираюсь, не принимая помощи. С этим я справлюсь.

Мокрая пижама липнет к телу, как вторая кожа. Любимая — ещё минуту назад — теперь становится моим злейшим врагом, потому что Ансар снова смотрит так же, как тогда, в уборной клуба при нашей первой встрече: внимательно, оценивающе, слишком долго.

Хватит.

Это сон, в конце концов. А значит — правила здесь тоже мои.

Я расправляю плечи и заставляю ткань исчезнуть, как ненужную деталь. На её месте возникает боевой костюм — сухой, удобный, сидящий идеально: плотные перчатки, облегающая куртка, ремни. Ни одного лишнего сантиметра, за который можно ухватиться.

Я встречаю его взгляд.

— К такому костюму отлично подойдёт плетъ, моя Королева, — протягивает Ансар с той самой интонацией, от которой внутри всё кипит и хочется сделать что-то назло. Немедленно. Эффектно.

Гнев — лучшая реакция на такие речи. И я поддаюсь ей, потому что мне очень хочется что-то сопоставить сильному противнику.

Я делаю фокус, который на работе сработал безотказно:ставляю руку и “ныряю” ладонью в пустоту рядом, как в карман воздуха.

Раз ты метаяшь в меня опасные предметы — значит и мне можно.

Мне нужно что-то... что летает. И выглядит страшно.

Аккуратный арбалет точно подходит к моему образу юной охотницы на светловолосых нахалов.

— Ты умеешь им пользоваться? — спрашивает он, и в голосе слышится почти... радость. Как будто он очень надеется, что я сейчас его удивлю.

Конечно, я не умею.

Я даже примерно не уверена, с какой стороны здесь “стреляют”, если честно.

— Научусь, — уверенно выдаю я, потому что уверенность — половина победы. Вторая половина, видимо, будет позором.

Я снова лезу в карман пространства за зарядом.

Достаю... деревянную шпажку. Потом вторую. Потом вязальную спицу.

Смотрю на это. Потом на Ансара.

Он ничего не говорит. Просто садится напротив меня — спокойно так, будто у меня есть время ошибаться. Теперь я возвышаюсь, как гора над ним. Мне даже становится не по себе. Но я держу лицо.

— Это не болты, — мягко сообщает он.

— Да я... поняла, — бурчу я, засовывая “оружие массового рукоделия” обратно.

Я снова ныряю рукой в пустоту. Теперь вытаскиваю что-то металлическое — похоже на болт. Почти радуюсь... пока не понимаю, что он не встаёт. Я тыкаю, разворачиваю, злюсь, пытаюсь надавить. Болт демонстративно выскальзывает, как мыло.

— Не силой, — спокойно говорит Ансар. Он даже не тянется руками к арбалету. Только кивает на мои пальцы. — Смотри. Направляющая — вот здесь. Ты кладёшь болт, а потом ведёшь его по пазу. Ровно. Не торопись.

Я замираю, повторяю его слова, как инструкцию к чему-то, что внезапно стало важным. Веду болт по пазу — медленнее. Точнее.

Щёлк.

Он встаёт на место.

И на секунду всплывает другое воспоминание: как однажды я впервые достала меч из “кармана”, а Макс был слишком близко — пальцы переплёл с моими, будто без него у меня не получится. Будто моя сила включается только рядом с ним.

Ансар сидит напротив — и не делает меня зависимой. Он не забирает оружие. Не “помогает руками”. Просто даёт опору словами, оставляя всё действие мне.

— Теперь прицел, — говорит он. — Не глазами. Корпусом. Поставь ноги устойчиво. Выдох — и только потом движение.

Я поднимаю арбалет.

И вдруг понимаю, что целюсь в него. В Ансара, который сидит напротив меня спокойно, как страж и проводник, а не как противник на расстрел.

Внутри что-то щёлкает совсем иначе, чем механизм.

Стрелять в него — неправильно.

Я медленно опускаю оружие, выдыхаю — длинно, до конца, и перевожу арбалет в сторону, на колонну сбоку.

Заряду пропадать не обязательно.

— Не дёргай, — напоминает Ансар всё тем же ровным голосом. — Плавно.

Я киваю, прицеливаюсь и нажимаю.

Болт уходит в дерево с сухим, красивым звуком — ровно туда, куда я смотрела. Не идеально по центру, но честно.

Я моргаю, не веря. На кончиках пальцев, всё ещё сжимающих арбалет, дрожала не нервозность, а адреналиновая эйфория. Получилось. Самостоятельно.

Ансар чуть наклоняет голову, оценивая попадание.

— Уже лучше, — говорит он. И в этом нет ни капли насмешки. — Ещё раз. Сама.

Мы тренируемся несколько часов? Здесь счёт времени будто остановился — я делаю этот вывод по тому, что картинка за окнами и свет не меняются.

Ансар уже не играет со мной. Он стал холоднее — как учитель, который наконец перестал щадить ученика.

За это время я навизуализировала гору ненужного хлама... но и полезное тоже научилась вытаскивать. С каждой попыткой из меня выветривались неловкость и привычное “я не такая”. Ансар будто возвращал во мне решительность — не уговорами, а тем, что снова и снова заставлял делать самой.

— Я проснусь убитой. Но спасибо, — говорю я с выдохом. От злости не осталось и следа.

— Всё для вас, Меридан Ашар, — Ансар улыбается, явно довольный результатом.

Меня уже почти не напрягает это странное “Меридан Ашар”. Неужели я привыкаю?

— Тренировки во сне теперь будут постоянными?

— Тут, — он окидывает воздух рукой, — безопаснее всего проводить “опыты”. В реальности может получиться... почти так же. Но не так.

— Как с головой монстра, которая появилась тогда?

— Да. Здесь его убить легче. И он не выйдет из зоны контроля.

Я мну секунду, подбирая слова.

— Слушай, Ансар. Когда ты приходил ко мне во снах...

— Моё кольцо вело меня. Оно ищет одну-единственную душу, но в мире снов всё расплывчато, — спокойно говорит он. — Я чувствовал твой след среди тысяч других, но не знал, что это ты. А когда нашёл... мне захотелось возвращаться. Снова и снова. Поэтому я и стал

приходить чаще. — На лице мужчины вспыхнула улыбка, будто он вспомнил наши приключения.

— Спасибо, — смущённо произношу я. — Ты правда тогда помог... пережить расставание с Максом.

Ансар чуть приподнимает бровь.

— Тогда? А сейчас не помогаю?

Зависаю и собираюсь ответить, но мой проводник по снам не даёт этого сделать:

— Тебе есть чем гордиться, Алина. Ты умница. — Подытоживает Ансар.

От такой прямооты внутри на секунду становится слишком тихо. Слишком... тепло.

— Поцелуй перед пробуждением? — добавляет он, и я не успеваю понять, шутит он или правда просит. Слащавость момента не успевает расцвести.

— Обойдёшься!

— Ты очень жестока, — произносит Ансар безупречно чётко и звонко, будто реплика была заготовлена заранее.

Я хотела ответить колкостью, но мир уже таял, как сахар в воде. Последнее, что я успела почувствовать, — упрямое удовлетворение от сегодняшнего урока и лёгкий укол тревоги от того, что ждёт меня за порогом сна.

Глава 7

Выходной назывался выходным только на бумаге.

С утра Наташа швырнула мне в чат: «Новые заявки. Разбери сегодня.»

Я даже не успела возмутиться — следом прилетело: «Отрабатывай отгул. Вчера же после обеда смылись.»

Я открыла папки без энтузиазма, скорее из чувства вины. Пролистала две — обычные. Третья заставила меня зависнуть.

Никита В.

Я машинально закрыла файл, потом открыла снова. Нет, не показалось.

Ладно. Потом разберусь.

Только успела поставить чайник, как в дверь позвонили.

Один короткий звонок. Потом ещё один — не наглый, просто уверенный.

В глазке — Никита.

Улыбка, рыжие волосы слегка небрежно спутал ветер, лёгкая щетина, в руках — аккуратная папка. Всё до раздражения «нормально», будто он и правда заехал на пять минут.

Я открыла.

— Алина, привет, дорогая, — сказал он так тепло, что у меня на секунду отпустило плечи. — Прости, что в выходной. Я бы не лез, честно.

— Привет, — я взяла паузу. — Ты? Как твоё здоровье? — я бегло осмотрела знакомого, вчера его голос не был таким бодрым.

— Ничего страшного, — он поднял папку. — Умирать не планирую, пока работу не сделаю. — отшучивается Никита. — Я оставил заявку через Наташу, и... мне сказали, ты сегодня дома. Хотел просто уточнить пару моментов и не дёргать тебя потом на неделе.

Он говорил ровно тем тоном, каким всегда и говорил: дружелюбно, без давления, как человек, который не хочет быть проблемой.

— Заходи, — сказала я и сразу добавила: — Только ненадолго. У меня всё-таки выходной.

— Конечно. Я на минут десять, — кивнул он. — И спасибо.

Он прошёл в прихожую, аккуратно снял обувь, повесил куртку так, будто делает это здесь не впервые. Это было бы мило... если не царапнуло странным ощущением: слишком уверенно.

Я повела его на кухню.

— Чай? Кофе?

— Чай, если можно, — улыбнулся Никита. — Как ты вообще? Я был рад видеть тебя на вечеринке. Давно не виделись.

Вопрос звучал искренне. Я даже почти поверила, что он просто решил «по-человечески» заглянуть.

— Нормально, — ответила я привычно. — Работа, дела. — две чашки с чаем поставила на столик возле дивана.

— Рад, — сказал он. — Правда рад.

Пауза вышла тёплой и неловкой одновременно — как бывает между людьми, у которых есть общее прошлое, но нет желания туда возвращаться.

Я взяла папку и села с краю.

— Так. Что у тебя?

— Там всё просто, — Никита подсел чуть ближе, показывая на схему. — Я хочу, чтобы было... стильно. Без лишнего.

Слова привычные. Интонация уместная. Но я вдруг поймала себя на том, что он почти не смотрит на бумаги. Он смотрит на меня — как будто ждёт не ответа по проекту, а реакции на что-то другое.

— Ты сильно занята? — спросил он.

— В смысле?

— В смысле... ты сейчас одна? — он улыбнулся; улыбка должна была выглядеть случайной, бытовой. — Вы с Максом опять вместе?

— Нет, — слишком быстро ответила я. — Мы... помирились, но не...

И только потом до меня дошло, как это прозвучало: будто я обязана объясняться. Будто он имеет право задавать такие вопросы и получать на них отчёт.

Никита кивнул, взгляд его стал чуть рассеянным, будто он что-то припоминал.

— А, понятно... — протянул он, и в его голосе зазвучала лёгкая, необязательная дружеская снисходительность. — Просто вчера Макс ко мне заезжал. Переживал, слышал, что я нездоров, лекарств привёз... Ну и, знаешь, прихватил бутылку виски. «За компанию», говорит.

Никита усмехнулся, потирая висок, и продолжил уже с деланной небрежностью:

— Я-то, честно, не мог — голова раскалывалась. А он, видимо, компанию сам себе составил. Разошёлся, разоткровенничался... В общем, остался ночевать. До сих пор, кажется, на моём диване храпит.

Он сделал небольшую паузу, давая мне впитать эту информацию.

— О тебе, кстати, почти не говорил. Вернее, совсем не говорил. Хотя, — Никита снова усмехнулся, — по тому, КАК он это не говорил, всё было ясно. Переживает, глупый.

Я замолчала и подняла на него взгляд.

В этот же момент Никита аккуратно провёл большим пальцем по моей руке — не грубо, почти невзначай. Как проверка: позволю или нет.

Я отдёргнула. Спокойно, без резких движений — чтобы не дать ему удовольствия увидеть, что попал в цель.

Вот тут мои «минут десять» внутри меня закончились.

Я медленно положила папку на стол.

— Никит, — сказала я спокойно. — Это сейчас было зачем?

Он моргнул, всё так же мягко, без видимой угрозы.

— Да просто спросил. Не напрягайся.

И вроде бы ничего. Но у меня появилось то неприятное ощущение, которое не объяснишь логикой: будто приятный человек на секунду «провалился», и на его месте кто-то другой — внимательный, холодный и терпеливый.

Никита снова улыбнулся — почти как раньше.

— Давай так: я задам пару вопросов по проекту и уйду. Окей?

— Окей, — короткое последнее согласие, чтобы выпроводить незваного гостя за порог.

Я не собиралась делать из этого сцену — слишком легко выглядеть параноиком, когда у человека «просто вопрос».

Но настороженность уже поднялась и не отпускала: Наташа «случайно» скинула мне эту папку утром. Никита вчера был «еле живой», а сегодня — на ногах и здесь. И всё это случилось именно в тот день, когда у меня и так всё на нервах.

Слишком удобно.

Разговор как бы шёл, но — ни о чём. Никита хотел обсудить концепцию, но ходил вокруг да около, то и дело поглядывая на меня, будто сверялся не с бумагами, а с моим лицом.

Я, хоть и в стенах родного дома, старалась держаться профессионально.

Пока он словно невзначай не положил руку на мою.

Я убрала пальцы первой. Спокойно. Слишком спокойно — чтобы это не выглядело как испуг.

Да что ж ты такой тактильный?

— Никит, тебе пора. Давай остальное в понедельник обсудим, — я закрыла папку и сделала вид, что всё в порядке.

— Без проблем. Может, прогуляемся? — буднично предложил он, как будто это продолжение делового разговора.

— Нет. Хочу дома отдохнуть. Много свалилось.

— Хочешь, с тобой побуду.

— Это ещё зачем? — я сделала неуверенный шаг назад.

И тут где-то щёлкнуло. По рукам пробежал ток. В ванной загорелся свет.

Парень чуть приподнял брови, заметив это слишком быстро, слишком точно.

— Опа... Напряжение скачет? Или это ты так реагируешь, когда тебя оставляют одну? — в его голосе звучала лёгкая, изучающая насмешка. — Ладно, не буду давить. Раз уж внешние помехи устранены... может, теперь поговорим?

Я прижала папку крепче к груди. «Помехи». Он наверняка имеет в виду Макса.

Глазами начала искать пути отступления. Встала и шагнула в сторону входной двери — но Никита резко вскочил с дивана, и я почти упёрлась в его грудь.

Он не дотронулся. Даже не попытался. Просто встал так, чтобы “случайно” перекрыть проход.

— Алин, — мягко произнёс он. Слишком мягко. — Ты всегда была умной девочкой. Не усложняй.

Его рука легла на мой подбородок. Он оценивающе взглянул на меня, как будто рассматривал трофей.

— Отойди, — сказала я.

— Давно ты мне нравилась, Алинка. Такая... правильная. Верная. И всё равно связалась с Максом, — он говорил так, будто Макса презирал всем сердцем. Вот тебе и «лучший друг». — Почему меня не выбрала? Красивый, умный, с деньгами. Не пришлось бы в офисе пылиться, перед Светкой прогибаться.

— Прекращай нести чушь, — я удержала голос ровным, хотя дрожь уже поднималась где-то под рёбрами.

Никита чуть прищурился.

— Забавно у вас получается, — сказал он буднично. — Макс — по классике: цветочки, курьер, “прости, давай сначала”. Прямо трогательно.

У меня в груди неприятно провалилось.

— Откуда ты...

— Неважно, — отрезал он мягко, как будто это я нарушила правила. — Просто люблю симметрию.

Он сделал паузу и добавил почти лениво:

— Он прислал букет — чтобы ты растаяла. А я тоже прислал кое-что. Не такое красивое, зато честное.

Я застыла.

— Ты о чём?

Никита подошёл ближе — не резко, уверенно, как человек, который уже занял пространство.

— О “курьере”, Алин, — произнёс он тихо. — Не все доставляют цветы. Некоторые доставляют... проверку.

Его взгляд скользнул по моей шее, задержался у линии волос, и меня будто током прошило — от осознания, куда именно он смотрит.

От него тянуло прохладной мятой — аптечной, знакомой. Ингалятор. Я почему-то вспомнила его голос по телефону: короткие вдохи, будто воздух был чужим и дорогим.

— Забрал у меня силы, да, — продолжил он почти равнодушно, но на слове «силы» на долю секунды сбился: угол рта дёрнулся, пальцы сжались в кулак, как от судороги. Он тут же разжал ладонь, снова стал спокойным. — Пришлось немного заплатить. Но я удостоверился, кто ты такая. Что ты не просто “верная” — ты ещё и отмеченная.

Я непроизвольно прижала папку сильнее, как щит.

— Ты... сделал это специально?

— Конечно, — уголок его губ дёрнулся. — Я не люблю сюрпризы. Я люблю знать наверняка.

Он протянул руку — не касаясь, всего лишь обозначая движение — и тихо, почти ласково сказал:

— Покажи.

У меня пересохло во рту.

— Что?

— Затылок, — уточнил он спокойно, будто просил показать синяк. — Мне хватит секунды. Закрою гештальт — и отстану.

“Отстану” прозвучало слишком легко, слишком неправдоподобно.

Я сделала шаг назад.

— Нет.

Никита вздохнул — как человек, уставший от чужого упрямства.

— Алин, у меня правда нет времени на вот это всё, — добавил он уже без игры. — На ухаживания, на долгие милые беседы, на “давай узнаем друг друга”. Это пусть Макс отрабатывает цветами и извинениями.

Он чуть наклонился, и голос стал ниже, суше:

— Мне нужно убедиться. Достоверно. И закрыть этот вопрос. Я слишком много уже заплатил, чтобы уходить с сомнениями.

Я слотнула, но горло всё равно осталось сухим.

— Ансар ведь смотрел, да? — произнёс он вдруг, и от того, насколько точно он попал, у меня внутри всё сжалось. Не просто “знает” — знает так, будто был рядом. Будто это обсуждали. — Ему можно, а мне нельзя?

Он приблизился ещё на полшага, словно “не трогал” — но отнимал пространство.

— Я просто хочу увидеть, — сказал он тихо. — Что это не слухи. Что это действительно ты. И что Ансар не ошибся.

Последние слова он произнёс почти небрежно — как штрих, который должен был встать на своё место.

Паника накрыла мгновенно — вязко, как дым. Ноги сорвались раньше, чем мозг успел дать команду.

Я рванула к двери.

Бегу из своей квартиры от “друга”, которого знала весельчаком — тем, кто никогда не делает больно. Отлично. Значит, скелеты всё это время были просто аккуратно прибраны.

Щелчок.

Никита оказался рядом так быстро, что мир на секунду “смазался”. Не прыжок — будто его вырезали из одного места и вклеили в другое.

Мужская рука, как шлагбаум появилась неожиданно. Он перехватил меня на уровне талии, и я рухнула назад. Пол должен был ударить по лопаткам — но удара не было. Я будто легла на упругую невидимую поверхность, на чужую, холодную силу. Второй рукой он придержал мой затылок — не заботливо. Контролирующе.

— Вот мы уже и лежим, — произнёс он почти буднично.

Я подняла глаза — и у меня внутри всё обрушилось.

Его зрачки начинала затягивать пелена. Ровно такая же, как у того курьера.

— Никита... отпусти, — выдохнула я. — Ты под влиянием ришана.

Слова сорвались сами — как будто я сказала это не ему, а себе. Чтобы подтвердить: я не схожу с ума. Это не “настоящий” Никита.

— Какая наблюдательная, — ответил он, и в голосе зазвенел холод. Появилось едва заметное шипение на согласных, будто говорил не один человек. — Только я не под влиянием, я и есть ришан.

— Зачем? — я старалась удержать дыхание ровным, потому что знала: стоит мне сорваться — и квартира откликнется. — Зачем ты это делаешь?

Он наклонился ближе, и от него пахло чем-то металлическим, чужим — как мокрое железо.

— Есть у меня одно желание, — тихо сказал он. — Сокровенное. Королева одна.

Уголок его губ дрогнул, будто от чего-то знакомого.

Я тянула время. Разговаривала. В голове лихорадочно искала, чем достать из ткани пространства что-то тяжёлое, твёрдое — вырубить, оттолкнуть, выиграть секунды.

Но Никита был не только “красивый и умный с деньгами, но еще и очень ловкий. И будто заранее знал мои движения.

Он поймал мои руки и резко заломил, подняв над головой. Давление на запястья стало точкой, в которой тело хотело закричать.

— Ах! — вырвалось чуть ли не со стоном. Отчего Никита сильнее расплылся в улыбке.

— Ты бы себя видела, — сказал он с той же чужой мягкостью. — Такая красивая. — его черные глаза блуждали вдоль моего тела, лица, губ.

Я заставила себя молчать. Любое слово сейчас было искрой.

По краям зрения запульсировали тонкие нити электрического света. Пространство «слышало» меня — слышало животный ужас, который становился для него топливом, ядом и приглашением.

— Ты чувствуешь? — прошептал он, и его голос вибрировал от наслаждения. — Страх этого мира... он плотнее, питательнее. В снах он призрачный, а здесь... здесь он настоящий. Мы, ришаны, приходим сюда именно за этим. Чтобы вкусить этот чистый, неразбавленный ужас. Он даёт силу, которую не найти в иных мирах.

Действие созвездия Макса — та самая невидимая узда, что держала меня и мою силу в границах, — слабело с каждым ударом моего сердца, с каждой волной паники. Будто кто-то вытягивал нить за нитью, распуская защитный узел.

— Оно сдерживает истинную тебя, — сказал он почти с нежностью. — Его можно снять. Как кольцо. Выплесни все. Открой порталы.

Пальцем он провёл вдоль моего лица.

— ...Давай, разнесём тут всё! — прошипел он, и его дыхание стало горячим у моего виска. — Но знаешь, что сводит меня с ума? Ансар всегда шёл к цели напрямую. Ничего лишнего. А с тобой... — Его пальцы впились в моё бедро. — Он свернул. И я не могу понять — почему. Что в тебе такого? Думаю, стоит выяснить. Из первых уст.

Он уставился на мои губы в решительной цели проверить теорию.

Его замысел провалился.

Никита отлетел от меня, как мячик, и с глухим стуком врезался в стену. На секунду в комнате стало тихо — не по-настоящему, а так, будто воздух сам задержал дыхание.

Я попыталась вдохнуть и не смогла. Голос будто остался где-то в горле, выключился, как свет в ванной.

Ансар!

Я была готова кричать во всё горло, но получилось только беззвучно открыть рот.

Он уже был рядом.

Тень у двери — и сразу фигура, как будто он не вошёл, а проявился. Быстрый, собранный, чужой в моей квартире, но почему-то единственный “свой” в этот момент.

В его глазах, когда они на секунду встретились с моими, мелькнуло нечто невыносимо сложное: ярость, спешка и что-то похожее на стыд.

— Меридан Ашар... — сказал Ансар и поднял меня осторожно, почти бережно. В его голосе прозвучало то, чего я от него не ожидала: страх. Не за себя — за то, что он мог не успеть.

Я вцепилась в его рукав, чтобы не поехать обратно в панику.

Никита у стены медленно поднял голову. Пелена в глазах стала гуще; в ней как будто шевелилось что-то тёмное.

— Ничего не меняется, — проговорил он, и поверх голоса проступило шипящее, чужое. — ...Брат.

Сначала это прозвучало как бред. Потом — как приговор. В слове был заложен иной смысл, не тот, что был в клубе. Семейный. Родной.

Холод ударил в живот.

— Брат?.. — выдохнула я. Больше голоса не хватило.

Я с прищуром взглянула на Ансара. Вопрос был один, но в нём помещалось всё.

Ансар встал между нами так резко, будто отрезал Никиту от меня телом.

— Не трогай её, — рявкнул он. Не “попросил” — приказал. — Уговор был другой.

— Уговор... — протянул он, и в этом “уговора” было презрение. Он шагнул — и его слегка повело, будто стена всё ещё держала его на себе.

На верхней губе проступила кровь.

Никита коротко выругался, нервно провёл тыльной стороной ладони под носом. Алое размазалось по коже, по губам — неаккуратно, как отметина.

И вместо того чтобы сделать его слабее, эта кровь сделала его хищным: будто на лице проступила не рана, а вкус.

— Слабое человеческое тело, — прошипел он себе под нос и снова посмотрел на Ансара. — Ты правда думаешь, я сейчас буду слушать твои условия?

Ансар даже не дрогнул.

— Я думаю, ты сейчас сделаешь шаг назад, — прорычал он. — И вспомнишь, кто тебя сюда привёл и зачем. Проверить — и уйти. Не ломать её.

Его голос, всегда такой уверенный, на этот раз звучал с надрывом. Будто каждое слово было гвоздём, который он выдёргивал из себя.

Никита усмехнулся — и усмешка вышла злой.

— Планы поменялись, брат.

Он снова вытер кровь, размазав её шире, почти по щеке, и от этого лицо стало жёстче, грубее. Как маска, которая наконец села правильно.

— Мне нужен её страх, — сказал он ровно. — Мне нужно, чтобы силы Меридан Ашар вышли сейчас. А ты... — он кивнул на Ансара. — ты вдруг решил встать вновь её стражем? После всего?

Ансар наклонился вперёд, как зверь перед рывком.

— Ещё слово — и я тебя урою, — рявкнул он.

Никита даже не моргнул.

— Мне нужно, чтобы она открыла порталы. Сейчас.

Багровая струйка окрасила лицо «лжедруга». Размазалось шире — по губам, по щеке, неровно, хищно. Лицо стало жёстче, опасней: как будто это не рана проступила, а метка того, кому уже нечего терять.

Никита посмотрел на перстень на руке Ансара — с ненавистной внимательностью.

— Меридан Ашар надела на тебя кандалы, — бросил он. — И отправила скитаться по снам — век за веком. На поводке.

Ансар сжал кулак так, что перстень блеснул.

Никита продолжил, грубо, почти выплёвывая слова:

— Я пожертвовал частью своей силы, чтобы найти тебя в той трясине Спирали сновидений, куда отправила тебя твоя Королева, — Никита вытер кровь, сочившуюся из носа, будто стирая улику собственной слабости. — Ты был пустым, скитающимся призраком. Я дал тебе надежду. Сказал, что Меридан Ашар обрела плоть в этом мире. Сам я её найти не мог, но твоё кольцо... твоё кольцо стало маяком. Ты нашёл её только потому, что я указал тебе дорогу. Она дала тебе тело, а я — цель. Ты получил своё сполна. А теперь... теперь моя очередь.

Он кивнул на меня — как на замок, который надо вскрыть.

Ансар сделал полшага вперёд — угрожающе. Загородил обзор Никите так что тот не смог разглядывать меня.

— Она не инструмент.

Никита вдруг усмехнулся — коротко, почти по-дружески, и от этого стало ещё страшнее.

— Ну вот, брат, а говорил, что из-за женщины не поругаемся.

Он перевёл взгляд на Ансара, прищурился.

— Пара десятков снов вместе — и вы уже так спелись? — в голосе Никиты щёлкнуло раздражение. — Не притворяйся. Ты должен был привести меня к двери, а не закрывать её собой.

Никита помолчал, давая словам осесть, и продолжил уже тише, и в этой тишине было зло:

— Я искал её на ощупь. Через чужие лица, через сотни пустых совпадений. Каждая попытка — плата.

Он кивнул на перстень, и в его взгляде вспыхнуло холодное понимание.

— Только не строй из себя свободного. Этот перстень — не защита, а цепь. Он позволяет тебе гулять по её снам... но не даёт сорваться с него окончательно. А ришана из тебя ничем не выжечь. Достаточно искры — и всё вернётся. Ты просто красиво упакованная дикость, брат.

Мне стало дурно. Между адекватностью и безумием стоит лишь перстень?

Значит, всё это время “дружелюбие” было не выбором. Поводком.

Никита снова повернулся ко мне — и голос стал почти ласковым.

— Вот твоя сила, моя дорогая. Из любого дерьма конфетку сделать можешь.

Он бросил на Ансара пренебрежительный взгляд.

— Ты просто пришёл к ней по нитке. С ключом на пальце. Потому и нашёл её так быстро.

Никита усмехнулся, и усмешка вышла неприятно живой.

— Самое смешное — как близко она была. Столько раз рядом. Почти дружили. А я всё равно не мог дотянуться.

И он рассмеялся — легко, почти по-дружески, как будто вспомнил старый анекдот.

Меня передёрнуло.

Я отпрянула от Ансара. Растерялась. Всё выглядело так, что меня используют.

— Это... что? Правда? Ты ришан? — выдавила я.

Меня уже не напрягали зияющие дыры, которые могли открыться от паники в моей квартире. Да хоть караван чудовищ пусть повалит — я была готова, чтобы они сожрали этих двоих и исчезли с моих глаз.

— Он пытается вывести тебя, чтобы твоя сила вырвалась на волю Мерида... — Ансар старался сохранять холодность во фразах. Но держался из последних сил.

И от одного этого слова внутри всё стало таким противным, таким липким, что меня сорвало.

— Не называй меня так! — выкрикнула я. — Не твоя я Королева. Ты врал. Врал...

Ансар в тот же миг изменился в лице. Злой, рвущий на куски гнев начал сочиться из каждой клетки его тела — я ощущала это кожей. Ладони вспотели, по спине побежал ледяной холодок.

Свет в его глазах будто погас, поглощённый наступающей изнутри тьмой. По краям радужки поползли чёрные прожилки, как трещины на льду. Его лицо исказила не просто злость — голодная, древняя ярость, которая рвалась наружу, стирая того Ансара, которого я знала. Перстень на его руке словно дал трещину. Парень, заметив это как будто остановил «свой распад».

Никита аж выпрямился, будто ждал именно этого. В голосе проступила почти детская радость:

— Ну вот. Наконец-то. — прошипел он не своим голосом.

Он посмотрел на меня, как на спичку рядом с порохом.

— Пусть он вспомнит, как ненавидят Королеву. Пусть выплеснет всё на тебя.

Я задержала дыхание.

Вот и всё. Закончилась моя история. Недолго я была Королевой.

— Слишком долго мы скитались по краям, питаюсь крохами страхов в чужих снах. Но теперь... теперь у меня есть ключ. Пора вернуть то, что у нас отняли. — Никита довольствовался своим триумфом, а у меня перехватило дыхание.

Но вместо того, чтобы забрать мою силу, Ансар резко вытянул руку — и в его ладони вспыхнул знакомый изгиб: меч-полумесяц, плотный, как металл, и одновременно невозможный, будто вырезанный из ночного света. Лезвие дрогнуло в воздухе и безошибочно нашло цель.

Оружие направилось в противоположную от меня сторону.

Никита даже не попытался отступить — только улыбнулся шире, будто именно этого и ждал.

Они сцепились.

Удар — и по комнате прокатилась волна, от которой задребезжали стёкла. Второй — и тени в углах сгустились, как дым. Меч Ансара чертил дуги, оставляя в воздухе тонкие светлые шрамы; Никита отвечал коротко и резко, будто не защищался, а проверял, где у Ансара слабое место.

И опять сценой для их борьбы стала моя квартира.

Ну нет.

Стоило мне только подумать о «другом месте» — хоть о подъезде, хоть о улице, хоть о чёртовом пустыре — как одна из дыр распахнулась шире. Не просто трещина: глотка. Воздух потянуло внутрь, запахло озоном и сырой землёй, и пол под ногами стал чужим — как мокрая ткань, готовая провалиться

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.